

СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО

ПЕКЛО

ПОЛЯРНЫЙ
ПРЕДЕЛ

ИДДК

Пекло (Панченко)

Сергей Панченко

Пекло. Книга 5. Полярный предел

«ИДДК»

2026

Панченко С. А.

Пекло. Книга 5. Полярный предел / С. А. Панченко — «ИДДК», 2026 — (Пекло (Панченко))

"Полярный предел" – роман Сергея Панченко, пятая книга цикла «Пекло», жанр боевая фантастика, постапокалипсис. Тектоническая волна, разрушившая мир, докатилась до северных морей. Поднявшееся дно оголилось, что привело к испарению кристаллов метангидратов. Процесс вызвал жуткое похолодание в полярных районах и когда до них добралось пекло, произошла компенсация, вылившаяся в жуткие грозы и ураганы со смерчами. Забытый богом поселок Тихий оказался на границе столкновения стихий. **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ ЖЕСТОКОСТИ И НАСИЛИЯ.**

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Панченко

Пекло. Книга 5. Полярный предел

© Панченко Сергей

© ИДДК

Содержание цикла "Пекло":

Пекло. Книга 1

Пекло. Книга 2. Генезис

Пекло. Книга 3. Разлом

Пекло. Книга 4. Дороги

Пекло. Книга 5. Полярный предел

Пекло. Книга 6. Льды Арктики

Глава 1

Позабытый богом поселок Тихий, расположенный на широте, за которой начинался полярный круг, доживал последние годы своего существования на берегу реки Пур. Построили его в советское время, в конце шестидесятых. Тогда весь край заполонили геологи в поисках нефти и газа, в которых остро нуждалась страна. Но в этом месте нашли залежи никельсодержащей руды. Недолго думая, построили поселок с пятью двухэтажными домами, поставили причал и проложили двадцать километров узкоколейки до месторождения. Жизнь в этом продуваемом ледяными ветрами природном захолустье забила ключом.

Баржи с рудой регулярно отправлялись вниз к речным портам, обратно возвращаясь с товаром и почтой. Связь с Большой землей в летнее время не затихала, но с окончанием сезона замирала. Два раза в месяц в поселок прилетал вертолет с продуктами, периодикой и лекарствами. Забирал больных, кто нуждался в стационаре. На всякий случай в Тихом имелись аэросани, как скорая помощь для особо важных дел.

Спустя пять лет после появления поселка рядом с ним ненцы разбили свой оленеводческий. Им смотаться в Уренгой в любой мороз или выюгу ничего не стоило. На них привыкли рассчитывать, а ненцы, в свою очередь, привязались к культурной жизни: ходили в кинотеатр, устраивали праздники в рабочей столовой. Одним словом, синергия придавала Тихому полновесности жизни. За зиму у причала вырастали горы руды.

Так было до конца советских времен, а потом все резко поменялось. Добычу посчитали нерентабельной, месторождение закрыли, технику вывезли, кинотеатр и столовую разобрали. Люди при этом, живущие в своих домах, другое жилье больше не могли получить, и это сыграло для некоторых определяющую роль. Несколько семей остались, надеясь, что их не бросят здесь.

Все, кто не уехал, заняли две двухподъездные двухэтажки. Котельную к остальным домам перекрыли, отапливали только эти два. Уголь для нее вначале привозили раз в год. Потом перестали. Благодаря тому, что у людей было время приспособиться к новым условиям, без тепла не остались. Рядом, в пятидесяти километрах восточнее, открылось большое месторождение газа. Большинство мужчин устроились работать на нем вахтами. На заработанные деньги, да еще используя различные связи, покупали уголь или мазут по бросовой цене.

Продукты же возили сами: летом – на лодках из Уренгоя, зимой – как придется. Иногда предприниматели сами решались за хорошую маржу привезти на снегоходах. По прямой от Уренгоя это было не так уж и далеко. Но это если хорошо знать дорогу и уметь ориентироваться, если вдруг завьюжило.

Ненцы ушли, как только культурная жизнь захирела. Накупили на Большой земле импортных телевизоров, видеомагнитофонов, бензиновых генераторов и сами себе устраивали досуг. Иногда зимой вдруг объявлялся кто-нибудь из них, как будто узнать, не вымерли ли еще последние жители. Но нет, самые стойкие научились выживать и даже понятия не имели, что им плохо живется. Если не смотреть на темные глазницы окон пустующих домов, со свистом продуваемых ветрами, то Тихий был в некотором смысле райским местом, уединенным, пережившим эпоху девяностых без кровавых потрясений.

Если бы не дети, для которых мечталось другое будущее, можно было бы совсем не задумываться о переезде на Большую землю. Но к этой проблеме в последние годы стала добавляться новая, намекая, что дни Тихого сочтены. Климат стал теплее, вечная мерзлота отогревалась за лето и не успевала заморозиться на ту же глубину за зиму. Дома, стоящие на сваях, кренились. В стенах появлялись трещины. Дороги, по которым раньше свободно проезжали на мотоцикле, становились топкими, непролазными. Узкоколейка, раньше идеально ровная, как стрела, заваливалась вверх-вниз и в стороны.

Страшнее всего были выбросы метана, образующие в породе круглые провалы. Возле Тихого уже имелись два таких, и каждое их появление сопровождалось пугающими звуками. Суеверные оленеводы считали, что это злые духи лезут из земли, потому что люди качают нефть и газ из нее. В мае две семьи покинули поселок. Уехали наудачу, сами не зная, как и где смогут устроиться. Никто не посмел упрекнуть их в глупости. Каждый оставшийся здесь считал, что это он проявляет легкомыслие, убеждая себя повременить, зная, что это не принесет никакой пользы и только отсрочит очевидное решение.

В Тихом остались двенадцать семей и два бобыля. Самые упертые, кто не смог выдержать мыслей о перемене, одичали, превратились в «маугли», для которых тот мир непонятен, неприятен и опасен. До последнего работали вахтами, предаваясь в перерывах между ними простым и понятным развлечениям, присущим маленьким поселкам.

Иван Щербаков, парень двадцати восьми лет, жил с матерью Валентиной. Сестра Алёнка, младше него на восемь лет и рожденная от другого отца, уехала вначале в Новый Уренгой, а оттуда в Екатеринбург, приобщаться к цивилизации. Дома появлялась один раз в год, обычно в июле. Вся такая расфуфыренная, с подарками, при деньгах. Изображала в разговоре уральский прононс, пытаясь показать, что она уже не одна из жителей Тихого. Это жутко бесило Ивана. Алёна не унижала его намеренно, но давала понять, что, оставшись в захолустном поселке, брат становился для людей с Большой земли дикарем. В это легко верилось, потому что в Тихом до сих пор не было сотовой связи, а интернетом пользовались только через спутниковые тарелки с ужасно медленной скоростью передачи данных.

– Так и помрешь ты тут, Вануйто, не попробовав роллы и суши, – как-то поддела Алёна брата.

Вануйто – прозвище Ивана. Так его звали, потому что отцом его был оленевод-ненец. Мать не называла его имени и вообще никак не хотела, чтобы сын стал искать родителя. Видимо, для нее то событие являлось слишком травмирующим. А Иван и не собирался этого делать. Его все устраивало. Несоответствие внешности и имени в Тихом никого не удивляло, и это обстоятельство тоже служило причиной жить здесь. Тут он был абсолютно своим.

Зимой Иван подрабатывал трактористом на газодобывающем комплексе, а лето целиком проводил в поселке. Целыми днями занимался ловлей рыбы, развешивал ее и сушил или коптил в пустующих квартирах. Везил сдавать оптом в Уренгой тамошнему предпринимателю. За раз мог нагрузить в большую моторку до трехсот килограммов сушеной рыбы. По меркам Большой земли платили ему скупое, по триста рублей за килограмм, но по зарплатам жителей поселка это были приличные деньги.

Однажды он узнал, что предприниматель, покупающий у него рыбу, фасует ее штучно и продает так дорого, что нормальные люди вряд ли бы стали ее покупать. Если бы Иван продавал ее сам по такой цене, то одной лодки рыбы хватило бы на покупку квартиры в том же Уренгое. Об этом он не стал рассказывать никому, особенно матери, чтобы ей не пришла идея начать собственное дело и уехать отсюда. А она могла, потому что переживала каждый раз, когда Алёна была вынуждена добираться до Тихого разными способами. Ей всегда казалось, что они небезопасны.

В последний раз, когда Иван отвозил рыбу, он созвонился с сестрой и узнал, что она должна приехать через три дня. Общежитие училища пострадало от землетрясения, и студентов на всякий случай выселили, по-быстрому приняв экзамены. Иван пообещал ей, что останется в Уренгое, встретит и заберет в поселок.

– Пробовал я ваши роллы. Такая дрянь, если честно. Один рис и какая-то мазня внутри. – Иван специально заказал себе их в уренгойской забегаловке, чтобы иметь представление о том, что едят люди на Большой земле. – Я тебя такими блюдами угощу, ты назад не вернешься, – пообещал он сестре.

– Боже упаси, Вануйто. От одной мысли остаться жить в Тихом у меня начинается депрессия. Я же там повешусь и буду висеть сохнуть, как твоя рыба, – ответила Алёна. – Чего вам привезти с мамой? Она не болеет?

– Жалуется на боли в груди. Простыла недавно. Пошла перед дождем за морошкой. Я ей говорю: ходи вдоль железки, иначе провалишься в болото. У нас тут, знаешь, как теперь развозит летом: чуть загляделся – и по пояс в жиже. Короче, как я сказал, так и получилось – вначале провалилась, потом под дождь попала, кашляла неделю. Тамара ее отпаивала чем-то, сбивала температуру. Мокрота такая отходила, я замучился ее из дома выносить. Вылечила, но боль в груди осталась. Привези чего-нибудь, если понимаешь, а то у меня только одно средство – самогон на ягодах.

– Ага, додумайся алкоголем лечить. Привезу обязательно, ты только встреть меня.

– Я же сказал, – обиделся Иван.

Ему повезло – он повстречал на речном причале собирающегося домой Бориса, одного из бобылей, и с ним передал, что останется ждать сестру, иначе мама начала бы волноваться. Ей иногда казалось, что большие деньги, которые Иван получал от продажи рыбы, могли вызвать интерес со стороны плохих ребят. Или же сын сам не справится с искушением и пойдет кутить налево и направо. Ивану было жалко мать – она прожила непростую жизнь и составила об окружающих ее людях довольно негативное мнение. Кроме тех, кто жил в Тихом.

Иван снял на три дня двухместный номер в гостинице. Администратор намекала ему, чтобы он заплатил ей за обоих постояльцев, чтобы она никого к нему не подселила. Иван пожадничал и не прогадал. Кроме него, за эти три дня других новых постояльцев не нашлось. Иван, чтобы не тратить время зря, обошел Уренгой вдоль и поперек и успел посидеть в интернете в компьютерном клубе. Много повидал, на многое открылись глаза, даже захотел жениться. Удивили новости о том, что мир содрогался в регулярных конвульсиях землетрясений. Тихий тоже трясло, но это проявлялось в дребезжании посуды, как будто мимо дома проезжал гусеничный трактор. Ничего страшного не происходило.

– Не надо мне туда, – пришел Иван к выводу насчет переселения на Большую землю.

Он не слушал байки темных оленеводов про подземных духов, может быть, и зря. Ведь нельзя же было игнорировать то, как мир себя вел в последнее время. На что-то он обиделся, давал знать об этом, но люди, как слепцы, считали, что тому совсем другие причины, а они не при делах. Ненецкие шаманы говорили: если событие тебя касается, значит, оно произошло для тебя. Думай, делай выводы и поступай так, чтобы оно не повторялось. Как-то во время общения с тем же Борисом, который помогал ему с сушкой рыбы, тот высказал мысль, что наука, с одной стороны, содействует людям в противостоянии вызовам природы, но с другой – создает стену непонимания иррационального, тоже являющегося частью природы, которое неспособна объяснить. Игнорируя эту сторону, люди невозможно далеко ушли от гармоничного восприятия мира и перестали понимать язык, на котором тот с ними пытался разговаривать. В будущем это непонимание обязательно должно было закончиться чем-нибудь нехорошим.

– Самое тихое место в мире будет в Тихом, – в шутку предположил тогда Борис.

– А как же твои родственники?

– А что родственники? Они знают, куда ехать. Я их отговаривал, но им приятнее общество, чем рай в шалаше. Они, видите ли, комплексуют из-за своей одичалости. Им хочется на такси ездить, а не на снегоходе или олене. Им хочется магазин в доме, интернет и клубы. Я что могу им сделать? Поймут, только когда петух жареный в жопу клюнет, – Борис говорил о семье брата, уехавшей из поселка пять лет назад.

– Может, и не клюнет.

– Мне все равно. Я их и себя не виню. Кто что хотел, то и получил.

Эти слова запали Ивану в душу. Он понял, что уже получил, что хотел. Ему все нравилось в размеренном образе жизни. Отсутствие суеты он считал огромным плюсом. Оставалось найти

себе подругу, разделяющую его взгляды, и можно было на этом остановиться и жить в свое удовольствие. С подругами в Тихом не задалось. Все девушки мечтали об одном – скорее уехать отсюда. Даже такой завидный жених, пропахший рыбой, как он, не мог повлиять на их выбор.

Иван бродил бесцельно по улицам Уренгоя, по некоторым уже по второму разу. В задумчивости чуть не попал под машину. Привычки смотреть на дорогу, прежде чем ее пересечь, у него не развилось.

– Вон зебра, в десяти шагах, – выкрикнул ему в открытое окно возмущенный водитель.

Иван завертел головой, но никакой зебры не увидел. Решил, что это такой вид замечания для невнимательных пешеходов. Благоразумно осмотрелся и перебежал на другую сторону. Прошел один квартал и увидел у здания кафе четыре грузовика. Поняв, что и сам не против перекусить, направился к дверям заведения.

Здесь пахло так же, как в столовой интерната, где он отучился девять лет, но интерьер выглядел гораздо наряднее. Водители – он сразу понял, что это они, – сидели за одним столом. Помимо них, в зале находились молодая парочка, решившая устроить романтическое свидание, и двое мужчин, сидевшие за столами поодиночке. Эти точно были не местными, командированными или вахтовиками на больничном, уставшими от казенной пищи.

Иван занял столик в дальнем углу. К нему подошла молодая девушка в переднике с названием кафе и очень усталым видом.

– Что будете? – спросила она бесцветным голосом, глядя мимо Ивана.

– Похлебать чего-нибудь и хлеба.

– Борщ, лапша, рассольник, – предложила девушка.

– Рассольник. И чаю. Черного с молоком и сахаром.

– Выпить не желаете? – Девушка наконец перевела взгляд на Ивана.

Наверное, алкоголь шел у них по особой статье и сулил хороший доход.

– Нет, не желаю, – отказался Иван.

Он никогда не выпивал в обстановке, не располагающей к этому. А располагала она только в собственной квартире или на берегу реки или озера, где он точно был один.

Девушка снова скисла.

– Десять минут ожидания, – сообщила она и ушла, виляя ягодицами.

Иван против воли загляделся на их гипнотические движения. Водители разговаривали громко, чуть ли не на весь зал. Обсуждали свои шоферские особенности. Иван невольно стал прислушиваться к ним.

– На Тазовский давно ходил? – спросил один из них, в клетчатом замызганном свитере.

– Давно. А что? – поинтересовался другой, в очках и с залысиной.

– Там за сорок километров до поселка грунт просел. Участок метров двести опустился, треснул, а из трещины жижа сочится. Дорожники присыпают ее щебнем, но хватает на пару дней. В темноте можно и влететь в эту кашу. Там, правда, знак поставили, но кто тут на них смотрит.

– На Лимбяху та же беда. Не двести, конечно, метров сорок, но тоже просело. А еще там вонять стало, как будто газ шурует. Никакого знака не надо – завоняло, притормаживай, – сообщил третий товарищ, мужчина в синей футболке, из-под которой в районе шеи выглядывали дикие заросли волос. – А Колька помните на «татре»?

– И че с ним? – спросил водитель с залысинами.

– Он таки влетел в эту яму по темноте и ушел в кювет. Машина сейчас на ремонте, он в больнице, сотряс и перелом челюсти. Об руль ударился.

– Слушайте, что за хрень творится? Эти дороги десятками лет стояли, а теперь в одночасье стали приходить в негодность? – возмущенно поинтересовался четвертый напарник, мужчина в свитере, поверх которого была надета жилетка с множеством карманов. – Мы так скоро без работы останемся или машины угробим.

– А что ты хотел? Нефть, газ качают, пустоты остаются, вот земля и проседает, – со знанием дела ответил водитель в замызганном свитере.

– А я слышал, что виновато потепление. Вечная мерзлота тает, породы проседают, – поделился мужчина с залысинами.

– Вот-вот, потому и вонять стало, что органика растаяла и начала дальше гнить, – поддерживал его водитель в синей футболке.

К Ивану подошла девушка с подносом и поставила его на стол.

– Приятного аппетита. Вот меню, если захотите еще чего-нибудь, зовите, – предложила она.

На подносе кроме супа, двух кусочков хлеба и стакана чая, лежало красочное меню.

– Спасибо, непременно. – Иван улыбнулся.

Девушка дежурно улыбнулась и ушла. Иван снова проводил ее взглядом. Да, пора уже искать себе пару. Хотелось, чтобы в доме была жена, которую можно потискать в любое время. Рассольник оказался великолепным: мяса повара не пожалели. Иван съел его мгновенно и понял, что готов заказать еще чего-нибудь. Открыл буклетик с меню и просмотрел варианты. Решил остановиться на картофельном пюре с котлетой и солеными помидорами черри. Он не знал, как правильно позвать девушку. Вспомнил, что у нее висел прямоугольник с именем «Полина».

– Полина, – произнес он негромко и смутился, когда на него обратили внимание.

К счастью, девушка услышала его и подошла.

– Вам все понравилось? – спросила она. – Принести счет?

– Очень понравилось. Я бы хотел заказать картофельное пюре с котлетой и солеными помидорами.

– Понятно. Хорошо, сейчас сделаю. – Полина взяла в руки меню и перевернула на последнюю страницу. – Может быть, вам пиво принести? У нас отличное свежее пиво и соленая рыбка, пойманная в нашей Пуре. Дорогая, но она того стоит. Пальчики оближешь. – Она постучала наманикюренным коготком в изображение рыбы в яркой упаковке.

– А рыбу вам не Роман поставляет? – спросил Иван.

– Роман Витальевич, – удивилась девушка. – А вы его знакомый?

– Ну да, это я ему рыбу привожу.

– Да ладно? У вас что, рыболовная артель? – Полина присела на стул напротив.

– Никакой артели. Я один, иногда Борис помогает.

– Блин, она такая вкусная, жирненькая, но дорогая, зараза. Вы прямо умелец.

– Приезжайте в Тихий, угощу бесплатно и еще с собой дам, сколько унесете. – Ивану понравился искренний комплимент.

– Слушайте, а если не секрет, почему вы ему сдаете? – спросила она шепотом.

– Коммерческая тайна. – Иван не хотел подставлять партнера.

– Слушайте, мы продаем их штучно, одна рыбка – двести пятьдесят рублей. На килограмм выходит штук шесть. Если вы будете продавать мне по пятьсот рублей, то я обещаю взять за раз килограммов пятьдесят. Шабашну хоть нормально в сезон, а то зимой тухляк полный.

– Теперь только в августе приеду. Если хотите, могу насолить и на вашу долю. Как мне вас найти, если на работе не будете?

– Номер мой запиши.

– У меня телефона нет, но, когда мне надо, я прошу людей дать позвонить. Ручка есть? – Иван взял в руки салфетку.

– Нет телефона? – удивилась Полина. – Ничего себе. Я думала, даже олени сейчас все с телефонами.

– Олени может быть, но я нет. У нас в Тихом нет связи.

– Сейчас принесу. – Полина ушла и вернулась через минуту с кусочком плотного картона с записанным на нем номером телефона. – Девчонки обрадовались, готовы скинуться. Так что если будет больше, то возьмем больше.

– Хорошо, буду иметь вас в виду. – Иван уже в уме прикинул, что привезет Роме меньше, скажет, что часть рыбы пропала, завелись черви.

Полина забрала поднос, ушла и вернулась уже с пюре и мелкими помидорчиками на отдельном блюде. Ивану показалось, что его желудок снова опустел.

– Выглядит бесподобно! – сделал он комплимент, чего не ожидал даже от самого себя. – Спасибо.

– На какое число нам ориентироваться? – по-деловому поинтересовалась Полина.

– Двадцатого буду к одиннадцати утра на причале. Роману я уже сказал, что приеду к двенадцати, так что постараюсь быть пораньше, чтобы вы не встретились. Приезжай на машине, чтобы мешки на горбу не таскать.

– Хорошо, попрошу кого-нибудь. Спасибо. – Полина присела на стул напротив. – Ты женат?

Иван смутился от слишком прямого вопроса.

– Ай, вижу, что нет. – Полина широко улыбнулась. – Деловой ты, скромный, на вид надежный. Немножко не русский, но я сама-то не пойми кто.

– А кто ты? – удивился Иван.

На его взгляд она была что ни на есть русская, только кокошника не хватало.

– Мама татарка с кавказскими корнями, папа русский, но это не точно. Я видела на фотографии его дедушку, он вылитый цыган. Так что мне ли придирааться, главное, чтобы человек был хороший.

– Тебе только деловые переговоры вести. – Иван улыбнулся.

– Ладно, не буду смущать. Как поешь, поставь меню вертикально, чтобы я увидела, принесу счет. Звать по имени необязательно, а то подумают, что мы знакомы и я тебя тут подкармливаю. – Полина рассмеялась.

– Иван. Теперь знакомы.

– Приятно познакомиться, Иван. – Полина ушла.

Перед тем как зайти на кухню, она бросила на него заинтересованный взгляд. Иван поддался ее очарованию, но все же был уверен, что она применила чары не столько из-за симпатии, сколько ради того, чтобы сделка состоялась. Как только Полина почувствовала прибыль, ее настроение моментально поменялось, ушла усталость, загорелись глаза. Она бы точно не стала жить в Тихом, наслаждаясь простым семейным счастьем. Ее интересовали деньги и возможность потратить их со вкусом. На одежду, развлечения, отдых, на котором можно сделать фотографии для странички в социальной сети.

Он доел и поставил буклетик вертикально. Полина явилась через пару минут с терминалом для оплаты.

– Картой? – спросила она.

– Нет, не держу такое. Только наличные. – Иван вжикнул молнией на старомодной поясной сумке. – Сколько с меня?

– Семьсот, – ответила Полина.

Иван вынул тысячную купюру.

– Сдачи не надо. Возьми себе чаевые. – Он протянул купюру.

– Спасибо. Сразу видно, что джентльмен. – Полина убрала деньги в карман и пробила чек. – А ты домой когда?

– Надеюсь, сегодня.

– Да? Жаль. – Полина свела брови. – Могла бы показать тебе наши достопримечательности вечером.

– Я сестру жду. Она должна приехать из Екатеринбурга.

– Ах вон оно что. Тогда другое дело. Сестра – это святое. Кто, как не брат, позаботится о ней. – Полина собрала посуду и замерла. – Тогда до двадцатого августа, до одиннадцати утра?

– Да. Буду как штык.

– Я тоже. Очень рада нашему знакомству. – Полина посмотрела Ивану в глаза с теплотой, которую он не ожидал увидеть.

– И я. – Иван посмотрел в ответ и не смог выдержать взгляд. – Спасибо за вкусный обед. Полина улыбнулась.

– На здоровье.

Она ушла. Иван собрался и вышел на улицу. Мысленно вернулся к разговору и упрекнул себя за несмелость. Вдруг если бы Алёна сегодня не приехала и у него появился свободный вечер, ему было теперь неловко сказать Полине об этом. В эту минуту Иван действительно ощутил себя дикарем, не умеющим правильно общаться с девушками. Да и на ком он мог тренироваться? На вахте работали женщины, но все значительно старше и с таким характером, с которым дома ни один мужик не потерпит.

Он подошел к гостинице. В тамбуре в нос ударил сильный аромат женских духов. Он открыл дверь и увидел Алёну, дожидаящуюся его рядом с администратором. У ее ног висел сумок.

– Ванька! – Она обрадованно подскочила к брату. – Дождалась.

– Слава богу, – произнесла администратор. – Я уже думала, придумывает девка.

– Привет! – Иван обнял сестру. – Нет, это ко мне. Сколько с меня, мы съезжаем.

– Сейчас проверим, примем и назовем цену. Вы же немного задержались. Сумма будет выше той, которую мы оговорили.

– Ладно, – согласился Иван. – Ты есть хочешь? – обратился он к сестре.

– Спрашиваешь! Как медведь бороться.

– А чего у тебя с собой столько вещей?

– Я же тебе говорила, общага треснула после землетрясения, ее будут ремонтировать. Думаешь, я оставлю свои вещи в комнате, когда там всякие строители будут? Нет уж, потаскаю с собой. Я, кстати, надолго, до сентября, – предупредила Алёна.

– Класс, поможешь мне с рыбой. У меня тут расширение заказов.

– Нет, – отрезала сестра. – Только не с рыбой. Я лучше за морошкой с мамой, за грибами.

– Ну как знаешь. Я бы поделился доходом.

– Ладно, я сейчас вообще никаких обещаний не хочу давать. Корми меня, а потом посмотрим.

– При гостинице есть кафе. Тут не очень вкусно готовят и дорого, но с твоим хабаром далеко не уйдешь.

– Да пофиг на вкусную еду. Я в общаге через день дошиком питаюсь.

Иван забрал сумки сестры и отвел ее в кафе, расположенное в противоположном крыле гостиницы. Алёна заказала курник, картошку фри и большой стакан кофе.

– Знаю, моя жопа не простит мне этой своевольности. Когда-нибудь она не пройдет в дверь, и тогда я скажу себе: хватит. Хватит уже выходить из дома, пора есть лежа в кровати. – Сестра рассмеялась. – А ты чего не ешь? Выглядишь как Кошей, только узкоглазый. – Алёна любила поддевать его азиатскую внешность, но делала это любя, по-сестрински.

Если бы кто-то со стороны так пошутил над Иваном, она бы выпарапала ему глаза не задумываясь.

– Я только поел. Рассольник и пюре с помидорами.

– Ого, дитя природы. Не завел себе девушку? Ах да, ты же дитя. – Алёна от смеха начала пускать пузыри в стакан с кофе.

– Ешь давай, а то подавишься. А у тебя появился парень, или как там у вас принято, перец?

Алёна усмехнулась и чуть не поперхнулась кофе, отставила стакан в сторону и приняласьковырять картошку фри.

– Был парень, но с перцем у него большие проблемы, – произнесла она мрачно.

– Да? А что такое? Принимал стероиды или радиация?

– Ага, радиация, мутант-прелюбодей. Совал свой перец куда не просят. – Сестра нахмурилась. – Сам виноват, теперь лечится, в жуткой депрессии, подумывает о смерти, потому что ни одно лекарство не дает гарантированного излечения.

– Вот вы там с ума сходите! – оценил Иван историю сестры. – А что, нормальных вообще нет?

– Дома сидят. Как их оттуда выпарапать, непонятно. В клубы не ходят, в интернете не знакомятся. Одна надежда – через знакомых выйти, но это сколько надо знакомств завести, чтобы добраться до потенциального кандидата.

– М-да, видимо, с этим проблемы у всех – что здесь, что на Большой земле, – решил Иван.

– Когда я жила тут, была уверена, что в большом городе такой красавице, как я, раз плюнуть завести нормального парня. Оказалось, что нормальные в жутком дефиците. Мамашки у таких – как драконы: заточили своих сынулек в башне и не подпускают никого.

– Из такого парня нормального мужа не получится. Так и будет бегать к маме по каждому вопросу, – решил Иван.

– Это был последний вариант, остальные я уже перепробовала. – Алёна отодвинула тарелку. – Доешь?

– Не, спасибо.

– Пойдем тогда, жуть как по мамке соскучилась. – Алёна поднялась из-за стола.

– Ты про лекарство не забыла? – напомнил Иван.

– Как я могла? Взяла самое последнее, самое эффективное от любых легочных заболеваний.

– Это хорошо.

Висевший в кафе телевизор моргнул, погас и выдал картинку с надписью «Нет сигнала». Девушка из числа работников схватила пульт и принялась переключать каналы. Работал только местный.

– Узнаю родину, – иронично произнесла Алёна.

Иван снова взял почти все ее сумки и вышел за сестрой в фойе. Администратор пробежала мимо них со взволнованным лицом в одну сторону, потом назад.

– Я могу рассчитывать? – бросил ей вдогонку Иван.

– Минуточку. – Она остановилась у дверей номера и постучала в них. Ей открыли. – Простите, я пыталась дозвониться в Москву по вашей просьбе, но ни один из телефонов не отвечает. А там еще...

– Что еще? – раздался встревоженный голос.

– Там вроде было сильное землетрясение. – Голос девушки дрогнул.

– Хорошо. – Дверь резко захлопнулась.

Администратор постояла немного и вернулась на рабочее место. Села за компьютер и постучала по клавишам.

– Интернет пропал, – произнесла она. – У вас есть мобильный?

Алёна разблокировала свой телефон.

– Нет, – удивилась она. – Ничего не открывается.

– Вы как будто в Тихий приехали, – усмехнулся Иван. – Посчитайте мне стоимость проживания, да мы пойдем.

Ему вообще не показалось, что произошло что-то крайне важное. Интернет для него был явлением потусторонним, вроде есть, а вроде и нет, как и сотовая связь. Точно не то, из-за чего стоило сильно расстраиваться и тем более пугаться.

Администратор снова поклацала пальцами по клавиатуре.

– Пять двести, – озвучила она сумму.

– Ого, как в пять звезд. У вас тут клоповник, чтобы такие деньги платить. Я в Екате за нормальный хостел плачу меньше.

– В вашем Екате платите как хотите, а у нас такса.

– Да ерунда, – успокоил Иван сестру. – Вот. – Он протянул требуемую сумму.

– Спасибо, что выбрали нашу гостиницу. – Девушка забрала деньги. – Приезжайте еще.

– Уж лучше вы к нам, – ответила ей Алёна.

Они вышли на крыльцо и постояли немного. Иван взвешивал в руках сумки, думая, дойти до причала пешком или взять такси. Ему надо было еще зайти в магазин и сделать заказ на сто килограммов соли и три мешка опилок. Алёна сжалась над братом, забрала у него рюкзак и повесила его себе за спину.

– Пошли пешком, рыбный Рокфеллер, – пошутила она в своем саркастическом стиле.

У магазина они немного отдохнули. Продавец, принимающий заказ, хотел уже отказать, потому что не работали терминалы и он не мог выдать чек, но Иван заплатил ему сверху, и тот согласился оформить все позже. Заказ должны были подвезти на причал в течение часа, как только освободится доставщик.

– А тебе не кажется, Вануйто, что ты живешь в дне сурка? – спросила Алёна у брата.

– Как это? – Иван не видел фильм, после которого это выражение стало крылатым.

– Что жизнь у тебя идет по одному кругу и ничего не меняется.

– А что, это плохо?

– Скучно.

– Мне не скучно. – Иван искренне удивился.

Наоборот, он находил приятные моменты в том, чем занимался, в стабильности, в прогнозируемости своего будущего.

– Ну да, ты не ищешь наслаждений, удовольствий, поэтому ничем не пресыщаешься, – предположила сестра. – Я даже завидую тебе. Только там, в городе, я поняла, что похожа на листочек на ветру: трепыхаюсь, клонюсь в ту сторону, куда меня клонит ветер, а ты – это ствол, которому пофиг на ветер, едва гнешься. У меня мечущийся ум, непрерывные желания, а у тебя как будто оно одно и других не надо.

– Не понимаю тебя, если честно, – признался Иван.

– Забей. Пошли уже на причал. – Алёна подняла тяжелый рюкзак.

Неожиданно земля под ногами дрогнула. Иван едва успел поймать сестру, чуть не упавшую из-за перевесившего ее рюкзака. Электрические провода, тянувшиеся в полусотне метров от них, с резким щелчком порвались и хлестнули по земле. Электрическая опора опасно накренилась над припаркованной рядом машиной.

– Это что такое было? – удивилась Алёна. – Ты же говорил, что у вас тут не трясет.

– Такого еще ни разу не было, – разволновался Иван. – Надо быстрее уезжать. Мамка же дома осталась. – Он забежал в магазин. – Отменяй доставку, ждать не буду, потом заберу! – громко выкрикнул продавцу.

Выбежал из магазина, схватил сумки, сестру и торопливо направился к причалу.

Глава 2

В воздухе повисла пронзительная тишина. Казалось, будто природа получила нокаут и временно пребывала в прострации. Все машины замерли. Люди, не ожидавшие подобного сюрприза от природы, тоже временно бездействовали. Малоэтажная застройка Уренгоя пережила толчок относительно неплохо. Стены потрескались, побились стекла в поведенных рамах, но обрушений не случилось.

– А наши-то двухэтажки такое пережили, как думаешь? – спросила Алёна. – А чем стеклить, если окна выбило?

– Не знаю. Главное, чтобы стены не разрушились. Остальное придумаем, как восстановить. – Ивана беспокоила только судьба матери.

Он со страхом представлял, что она осталась одна, возможно, под завалами, и сердце его надрывалось от этой мысли. Он перешел на бег. Впереди показался причал. Вода в широкой заводи Малой Хадыряхи билась о берег белыми бурунами, хотя земля под ногами больше не тряслась. Моторка Ивана, привязанная, как собачка к столбику, испуганно кружилась вокруг привязи.

Иван бросил вещи на берегу и вытянул лодку на сушу.

– Не нравится мне это, – признался он, закидывая в нее сумки. – Река нервничает.

– А уж как я нервничаю. – Алёна сняла рюкзак. – Скорее бы домой добраться.

– Помоги, – попросил брат, сталкивая лодку назад в воду. – Запрыгивай, – посоветовал он сестре.

Алёна запрыгнула. Иван скинул привязь со столбика и запрыгнул сам. Лодку качало на волнующейся поверхности реки. Завел мотор и, завернув крутой вираж, направился в сторону слияния двух рек. Широкий Пур штормило еще сильнее. Лодка прыгала с волны на волну, пришлось даже снизить скорость. В какой-то момент она вошла в резонанс с амплитудой волн и принялась слишком высоко задирать нос и становиться неуправляемой.

Иван чувствовал, что ничего не закончилось. Наоборот, все только начинается, и поэтому постоянно оглядывался назад. Ему казалось, что опасность придет со спины и как раз в тот момент, когда он не будет смотреть в ее сторону. Алёна же постепенно успокоилась и начала снимать на камеру телефона. Надеялась потом удивить одноклассников своими приключениями.

Мимо проносились другие моторки и даже катера, направляющиеся в сторону Уренгоя. Все спешили. Иван еще надеялся, что землетрясение было локальным и Тихий не задело. Но судя по лицам тех, кто встречался ему, по тому, как они спешили, понимал, что потряхнуло везде.

Обычно дорога между Тихим и Уренгоем занимала два часа, и в этот раз они показались бесконечными. Только когда река сделала знакомый поворот, за которым открывался вид на поселок, и показались неповрежденные дома, Иван облегченно выдохнул и сбавил обороты двигателя. Теперь он пожалел, что отменил заказ на соль и опилки, придется ехать снова.

– Вануйто. – Сестра ткнула его рукой в спину. – Смотри.

Иван обернулся и застыл. То, что он увидел, никак нельзя было назвать настоящим или реальным. Вместо привычного горизонта, обыкновенного в этих местах, где небо спускалось к земле, он увидел стену земной поверхности, наоборот, вздымающуюся к небу. Было ощущение, что они оказались в гигантском углублении и видели его края. Рука непроизвольно потянула рукоятку акселератора на максимум. Лодка ускорила.

– Что это? – Алёна перебралась ближе к брату и вцепилась ему в руку.

Задранный горизонт как будто приближался. Происходящее казалось сном, бредом или же какой-то невероятной оптической иллюзией. Иван зацепил дном мель, моторка чуть не

опрокинулась. Алёна завизжала от страха и вцепилась еще сильнее в брата, мешая ему управлять лодкой. Иван усилием воли сконцентрировался на рукоятке мотора.

Мать ждала их на берегу и замахала руками, когда поняла, что это ее дети. Иван не стал причаливать в положенном месте, на скорости выскочил на пологий пляж. Моторку протянуло метров на десять вглубь. Обернулся и увидел, как вспучившийся горизонт задирается ввысь вместе с рекой, озерами и ельниками. По его гребню часто сверкали вспышки молний.

– Алёнка, хватай мамку и бегите как можно дальше от берега. Я за вами.

Мать сослепу не сразу поняла, в чем причина беспокойства. Распереживалась, что с детьми произошла какая-то неприятность, но дочь показала ей вздыбившийся горизонт. А помимо него, земля под ногами начала опасно вибрировать. Иван схватил пару больших сумок, посчитав, что в них лежит самое ценное, и побежал следом за своими женщинами. Народ высыпал из подъездов на улицу и остолбенел от ужаса, увидев картинку, не укладывавшуюся в рамки представления о нормальности. Мир словно вывернулся наизнанку.

Зазвенели стекла в окнах домов, закачались столбы и деревья.

– Бегите дальше от реки! – выкрикнул Иван замешкавшимся землякам.

Он повесил одну сумку через плечо, ухватил мать за руку и потянул за собой. Она уже начинала сдавать и принималась кашлять под нагрузкой. Тряска усиливалась. Люди стали спотыкаться и падать. Иван тоже оступился, когда его нога вдруг не нашла опору на нужной высоте. Тяжелые сумки перевесили его, и он упал. Мать упала вместе с ним. Алёна закричала и попыталась поднять их, но тут их понесло вверх с приличным ускорением. Земля под ними тряслась и лопалась с артиллерийским громом. Дохнуло ледяным холодом, сильным запахом озона и забросало грязью. Иван крепко держал мать за руку и чувствовал, как сестра схватила его за ногу и кричит.

Потом они начали опускаться, и снова все тряслось и скрежетало так, что болели уши. А после все резко затихло. Кроме Алёны, которая продолжала кричать и уже осипла. Она вжалась в ногу Ивану и не отпускала ее.

– Ну хватит уже. – Иван оторвал сестру от себя. – Закончилось, кажется.

Алёна замолчала и медленно открыла глаза.

– Совсем? – неуверенно спросила она ослабшим голосом.

– Надеюсь. – Иван осмотрелся и понял, что сам держит мать за руку железной хваткой.

Пальцы расцепились с трудом. Мать как будто ничего не заметила. Она в полной прострации смотрела по сторонам и ничего не понимала. Соседи постепенно подавали голос и тоже приходили в себя. Никто не ревел, не голосил. Ожидаемая реакция совершенно не подходила тому, что произошло.

– А что это было? – спрашивал каждый, кто начинал понемногу соображать.

Ответов никто не давал. Как можно было назвать то, что даже описать не получалось? В человеческой истории подобного события не происходило, и потому у него не имелось никакого названия и описания.

Иван посмотрел в сторону Тихого. Часть домов осталась стоять, но относительно горизонта они все покосились на одну сторону. Если кто-то не успел выбежать, то, скорее всего, не пострадал. Не было видно двух крайних домов, где уже давно никто не жил. Над землей в той части, через которую уже прошла катастрофа, висела дымка. Бугрящийся горизонт удалялся, вздымая земной рельеф.

Алёна принялась кашлять. Сказывался долгий крик, саднило горло. Она кинулась в одну из спасенных сумок и вынула из нее бутылку воды. Сделала несколько глотков и замерла, боясь снова сорваться в кашель.

– Если я осипну навсегда, вы меня точно с рук не скачаете, – нашла она в себе силы пошутить. – Мам, попей воды. – Она протянула бутылку.

Мать взяла, но что с ней делать, не знала. Сознание ее еще блуждало где-то вне тела.

– У тебя нашатыря с собой нет? – спросил Иван.

– Нет. Я не падаю в обмороки. – Алёна поднялась во весь рост. – Ого, а река наша где?

Иван тоже поднялся. Русло реки блестело мокрым дном, но воды в ней не осталось. Он посмотрел чуть дальше и увидел огромный разлом, от краев которого интенсивно растекался туман. Он решил, что речка слилась в него, подгоняемая вздыбившейся землей.

– Что, соседи, кажется, мы пережили что-то страшное, – ухмыльнувшись, произнес Борис. – Я про такое даже не слышал, чтобы земля задиралась вверх до неба. Как такое вообще возможно?

– Надо возвращаться, посмотреть, какой убыток понесли. – На ноги поднялась соседка матери, Софья Марковна. – Валя, а ты чего, ударилась? – Она заметила неадекватное состояние матери Ивана и Алёны.

– Нет, просто сильно напугалась, – ответила за нее дочь. – У вас дома есть нашатырь?

– Наверное, сто лет не проверяла. Давайте возвращаться, народ, – добавила она громче.

Иван помог матери подняться. Сестра взяла одну из своих сумок и понесла сама. В воздухе разносился неприятный запах тухлого яйца и тянуло прохладой, несвойственной этому времени года. Пока вернулись в поселок, туман сделался гуще. Тихий в нем выглядел жутковато. Земля после того, как совершила подъем и опускание, легла не совсем так, как было. Рельеф поменялся, и потому обе жилые двухэтажки оказались на уклоне.

Стекол не осталось ни в одном проеме. Подъездную дверь в доме, где жил Иван, выдавило поехавшим косяком. На стенах виднелись трещины, а шифер с крыши местами свалился на землю.

– Блин, а ведь до нас помощь не дойдет никогда. Наш Тихий уже давно списали со всех балансов, – запричитала Софья Марковна.

– Да еще неясно, можно жить в таких домах или нет. Соберем манатки и пойдем в Уренгой пешком, чтобы поселили нас куда-нибудь, – предположил Родион Сергеевич, пенсионер из соседнего подъезда. – Хорошо, внука не успели привезти, а то что делать с ним?

– А вы думаете, это только здесь случилось, у нас? – спросил Иван.

Ему самому казалось, что катастрофа имела глобальный характер и землетрясение в Уренгое было прелюдией перед настоящим апокалипсисом.

– Ну, сто километров от силы в диаметре. Землетрясения же случаются в какой-то точке, эпицентре, и от нее расходятся волнами, – пояснил Родион.

– Хрена се волну мы видели, – усмехнулся Борис.

– Софья Марковна, вы обещали посмотреть нашатырь, – напомнила Алёна.

– Сейчас. Стойте здесь, вдруг дом завалится. Я уже старая, могу и рискнуть здоровьем. – Она ушла.

За дверями раздалось шуршание ее шагов по осыпавшейся штукатурке и стеклу.

– Сколько работы, а? Сколько работы теперь, – донесся ее сокрушающий голос из подъезда.

Скрипнула громче обычной дверь, и раздались стенания по поводу бардака в доме. Через минуту Софья показалась в проеме окна.

– Нате. – Она протянула бутылку. – Мокните тряпочку – и к носу. – Иван взял у нее бутылку. – Надо же, Валентина, всегда считала тебя стальной бабой, а тут расклеилась.

– Это у нее радость от нашей встречи наложилась на катастрофу, – пояснила Алёна. – Не справился организм.

Она намочила носовой платок, нюхнула на пробу сама и скривилась. Поднесла к носу матери. Валентина вдохнула, тряхнула головой и удивленно уставилась на Алёну.

– О, дочк, а ты когда приехала? – удивилась она.

– Минут двадцать назад, мам. У нас тут ЧП, а ты немного испугалась и упала в обморок.

– Какое ЧП? – Валентина завертела головой, увидела покосившиеся дома без окон, странно выглядящий пейзаж, тонущий в тумане. – У меня что, с головой проблемы? Что случилось-то? – В ней начали бороться мысли, часть из которых пыталась убедить ее, что она потеряла рассудок.

– Валь, да землетрясение было сильное. Нас подкинуло к небу, потом снова опустило на землю, – выкрикнула из окна Софья Марковна. – Уж не знаю, лучше как ты или как я – все помнить? По ночам теперь кошмары будут сниться.

– Да, мам, случилось очень мощное землетрясение как раз в тот момент, когда мы с Вануйто подъехали к поселку. Мы уже знали, что началось что-то страшное, схватили тебя и побежали подальше от реки, чтобы нас не смыло водой, – пояснила Алёна, нежно прижав маму к себе. – Не вспоминаешь?

Иван вернул нашатырь хозяйке.

– Спасибо, – поблагодарил он. – Как изнутри дом? Не собирается развалиться?

– Нет. Когда его строили, тогда никто не воровал цемент. Знали, для каких условий строят, поэтому делали с запасом. Но бардака – на неделю выгребать, – ответила Софья Марковна.

– Идемте домой. – Иван взял мать под руку. – Ей надо полежать немного, а мы с тобой начнем убираться.

– Хорошо, – согласилась сестра.

Народ уже выбрасывал мусор прямо из окон.

Поднялись на второй этаж. Дверь оказалась открытой и закрылась со скрипом, царапая пол. В квартире царил хаос: все шкафы, телевизор, холодильник, цветы с подоконников лежали на полу. Монитор в комнате Ивана чудом остался висеть на проводах, уцепившись за стол, прижатый к стене. Из-за минимализма обстановки его комната пострадала меньше остальных. Мать уложили на кровать сына. Она не протестовала против того, чтобы полежать. Алёна дала ей таблетки и посоветовала их принять. Валентина так и сделала: выпила лекарство и сразу уснула. Ей как будто требовался здоровый сон, чтобы произошла перезагрузка сбившегося сознания.

Алёна принялась собирать то, что уцелело, а Иван выбрасывал в окно, как и остальные, то, что разбилось и не подлежало восстановлению. Периодически он выглядывал наружу, опасаясь повторения страшной волны, поднимающей землю. Удивительный ум человека, несмотря на невозможность происходящего, принял страшное событие и теперь пытался понять, что делать дальше.

Иван, глядя на отсутствующую реку, понял: ждать в ближайшее время катер с продуктами не стоит и надо бы собрать ту рыбу из самой свежей партии, которая сейчас сушилась в пустом доме напротив. В Тихом имелся подземный склад, используемый в прошлом как круглогодичный холодильник, не требующий никакого электричества. Температура в нем почти все время держалась чуть ниже ноля градусов. Мясо не пересыхало, как на морозе на открытом воздухе.

– Надо склад проверить. Если не обвалился, поможешь мне рыбу перенести? – обратился он к Алёне.

– Сегодня? – Сестра свела брови к переносице. – Меня ноги не держат, если честно.

– Понятно. Ладно, с Борисом перенесем. У тебя продукты есть, которые могут испортиться?

– Нет. – Алёна усмехнулась. – Ну, бэпэшку брала в дорогу. Осталось еще штуки три.

– А что тогда я такое пер на себе?

– Как что? Наряды. Мне пришлось просить у подруги вакуумизатор, чтобы упаковать все вещи. Косметику всю, мицеллярочку, кремешки, уход за ноготочками. Современной девушке, знаешь, сколько всего нужно, чтобы соответствовать уровню?

– Слава богу, не знаю и знать не собираюсь. Наверное, нам очень пригодятся твои девичьи штучки.

– Ха-ха-ха, подколот. Представь, магазины с косметикой разрушились, девки в панике, а тут возвращаюсь я с полной сумкой всего, привожу себя в порядок, а они какими были, с прыщами, кругами под глазами, маленькими глазками и губками, такими и останутся. А я королева.

– Куда ты возвращаешься? – не понял Иван.

– В Екат, куда еще? – удивилась сестра.

– Ты в окно смотрела? Там реки нет! Ты даже до Уренгоя не доберешься. А туда смотрела? – Иван указал рукой в сторону, где был разлом, но его сейчас затянуло туманом. – Там земля треснула, и вся вода стекла в эту трещину.

Алёна бросила работать, посмотрела в окно на реку, потом вдаль, снова на реку.

– И что, ты хочешь сказать, до сентября наш Пур не наберется снова? – спросила она с недоверием.

– Не хочу, но очень предполагаю. Откуда столько воды возьмется, когда земля вся в трещинах. Она туда и будет уходить.

Алёна помрачнела. Продолжила убираться, но уже без всякого энтузиазма.

– А что мне тут делать? – спросила она спустя полчаса размышлений.

– Жить будем, думать, как не умереть с голоду. Кстати, надо бы пройтись вдоль русла, посмотреть, вдруг рыба застряла, собрать да засолить остатками соли. Короче, Алён, пока не стало поздно, пока она не протухла, надо ее собрать. На тебе наведение порядка, а на мне кормежка. Я пошел.

– Вануйто, я уже устала, – захныкала сестра.

– Устала – полежи, поспи немного, – посоветовал он ей. – Все, давай, я рассчитываю, что ты уже взрослая самостоятельная девушка.

Иван проверил мать. Убедился, что она просто спит, после чего покинул квартиру. Зашел к Борису. Тот лениво наводил порядок, прихлебывая холодный кофе из большой кружки.

– Дядь Борис, иду на реку, хочу посмотреть, не осталась ли рыба на суше или где в плесах. Думаю, автолавку теперь ждать не стоит, по крайней мере, до снега. Надо бы позаботиться о пропитании. Пойдешь со мной?

Борис отставил кружку и почесал затылок.

– Что, все так плохо? – спросил он.

– Надейся на лучшее, но готовься к худшему, – пояснил свою точку зрения Иван.

– Ну пошли, раз такое дело. – Борис залпом допил кофе. – Что брать?

– Ведра или мешки. Вдруг повезет. И коляску свою возьми.

У Бориса имелась самодельная коляска, в которой он возил фляги с водой. Ее можно было использовать и для перевозки любых тяжестей. Иван сбегал в дом, где у него находилась комната для соления и копчения. Он вкрутил в потолок штыри с кольцами и вешал на них гирлянды из рыбы. А в коптильне заколотил все окна наглухо, ставил по центру таз с опилками и горелку под ним. Как только опилки начинали самостоятельно тлеть, горелку выключал и уходил. Дым наполнял изолированное помещение, и рыба постепенно пропитывалась им, приобретая аппетитный золотистый цвет и аромат.

Там у него хранились запасы мешков, прикрепленные к стене, чтобы не дотянулись всякие грызуны. Взял парочку, не надеясь нарыбачить много, да и соли у него не имелось, чтобы засолить большое количество рыбы.

Борис осматривал снаружи дом, в котором жили он сам и Иван. Сваи под ним треснули.

– Знаешь, что надо сделать? – спросил он, увидев Ивана.

– Нет.

– Из тех домов, которые развалились, сделать подпорки под наш дом. Чую, можем съехать под уклон. – Он показал ладонью положение дома в пространстве. – Сваи треснули, в любой момент может случиться.

– Как только запасемся едой, сразу займемся этим вопросом, – пообещал Иван.

Они направились к реке. Сойдя с грунтовой дорожки, почувствовали, как изменилась почва под ногами. Она как будто стала более зыбкой. Иван решил, что порода под верхним слоем рассыпалась во время прохождения волны. И, несмотря на цельный вид, на самом деле была совсем не однородной.

– Что-то боязно наступать стало, – заметил Борис. – В чем дело?

– Мерзлота полопалась, – ответил Иван. – Надо подождать, когда туда попадет вода и склеит заново.

– Как бы не ухнуть под землю. – Борис стал ступать осторожнее. – Ты это, Иван, держись от меня на три шага сзади. Если я провалюсь, достанешь меня или людей позовешь.

– Хорошо.

– А чуешь, в воздухе нет-нет да и пахнет серой? – спросил Борис.

– Да, чувствую.

– Я думаю, порода треснула до газоносных или нефтеносных слоев, и газ шурует наружу, – предположил Борис.

Он проработал всю жизнь на месторождениях и имел большее представление о том, как залегают газ и нефть. Местные недра, богатые углеводородами, вполне могли преподнести и такие сюрпризы. Но изменить уже ничего нельзя, поэтому Иван сконцентрировался на том, что было ему по силам.

Дно реки, оставшееся без воды, изобиловало ямами, в которые стекал ил. В темной жиже активно плескалась рыба.

– Опасно лезть в такие места, затянет, – решил Борис. – У тебя острога есть?

– Нет, я только сетью ловлю.

– Ладно, я сейчас. Без меня не лезь, – предупредил Борис и убежал домой.

Пока Иван дожидался его, прошелся вдоль берега. Немного остыв от переживаний, он разглядел спокойным взглядом, как поменялся ландшафт. Равнинная территория, прилегающая к поселку, сделалась бугристой. Где-то земля вздыбилась похожими на зарубцевавшиеся шрамы протяженными валами. Они получились от сдавливания породы вследствие прохождения тектонической волны. Эти сдавливания компенсировались разрывами породы в других местах. Даже дно реки выглядело как чересполосица неровностей. То, что Иван вначале принял за омуты, в которые стекался ил, могло оказаться трещинами, глубину их страшно было представить. И вскоре он нашел тому подтверждение.

Разлом шириной пять метров пересекал русло реки поперек и уходил еще метров на тридцать в глубь берега. Подходить близко к нему Иван не решился, потому что прямо на глазах он начал обваливаться. Тонны породы глухо ударились о жидкое дно. Рыбалка уже не казалась хорошей идеей.

Борис проявил сметливость: помимо остроги, прихватил и моток веревки.

– Знаешь, Вануйто, страшновато стало ходить по земле, лучше подстраховаться, – произнес он, обхватив себя веревкой вокруг талии.

– Дядь Борис, давай я полезу. Вы здоровый кабан, а я парень щуплый, меня будет легче вытащить. И глаз у меня верный, а вы уже подслеповатый. – Иван решил, что если пенсионер провалится в трещину, то ему будет сложнее его вытащить.

– Ты не щуплый, ты жилистый. – Борис снял веревку. – Но ты прав, я уже не в той форме, чтобы творить чудеса. Меня проще отпустить, чем вытащить. Эх, надо было Ромку позвать.

Так звали второго бобыля в поселке.

– С его-то трясущимися руками? – усмехнулся Иван. – А сейчас он вообще понервничал, от него пользы не дождешься.

– Ну, может быть, – согласился Борис.

У него с Романом отношения не складывались. Борис был деловым человеком, постоянно чем-то занимал себя, дома не сидел, а Роман либо выпивал втихаря, либо болел и просил всех, до кого мог дотянуться, уделить ему внимание. Ему нравилось вызывать к себе жалость. В ней он находил проявление собственной важности. Пускай и внешней, неискренней, но хотя бы такой. Роман всю жизнь прожил с комплексом собственной незначительности, но к старости научился использовать его для манипуляции окружением.

Иван завязал веревку на поясе, взял острогу и с Борисом направился к первой небольшой яме. Рыба, неспособная получить кислород из густой жижи, пыталась выбраться из нее. Некоторым удавалось. Иван быстро собрал их руками и забросил в мешок. Следом принялся методично бить острогой в грязь и вытаскивать, когда повезет, добычу.

Пока они с Борисом были заняты делом, туман густел, и вскоре поселок исчез в белосерой пелене.

– Вануйто, может, хватит? – взволнованно поинтересовался Борис. – Что-то не по себе становится.

– Тумана боитесь? – спросил Иван.

– До сегодняшнего события я вообще ничего не боялся, но теперь понял, что зря, лучше бояться всего, чтобы не прогадать.

Иван взвесил в руках два мешка с рыбой. В каждом было килограммов по тридцать. Улов небольшой, но для его запасов соли практически максимальный.

– Хорошо, дядь Борис, идемте, – согласился он.

– Молодец, Вануйто. А завтра, когда развееет, еще сходим, – обрадовался Борис.

– Если развееет. Вы же понимаете, что туман – это холод, который поднимается из промерзших трещин. Когда это они отогреются?

– Ничего, подождем. Сейчас лето, самый разгар. Ветерок дунет – и тумана как не бывало. – Похоже, Борису не терпелось скорее покинуть реку и вернуться домой.

– Ну ладно, завтра будет видно.

Иван закинул на плечо один грязный мешок и собрался взять второй.

– Ты чего, решил, что я совсем бессильный? – обиделся Борис, взял второй мешок и без особых усилий забросил его себе на спину.

– Хотел уважить старость, – объяснил свой поступок Иван.

– А получилось, что обидел мужчину, – ответил ему Борис. – Я даже старым себя еще не считаю. А в душе мне всегда тридцать, как тебе.

– Мне двадцать восемь.

– Какая разница-то?

Они поднялись к поселку. В домах еще шумели уборкой. Стучали молотки, люди забили окна чем придется.

– Дядь Борис, можно тебя попросить забить окна в нашей квартире? Я буду рыбой заниматься до завтрашнего утра точно, иначе пропадет.

– Да, конечно, Вануйто. У тебя гвозди есть?

– Все есть: и гвозди, и шурупы, и любой инструмент. У меня под кроватью ящики стоят, там все найдете, – пояснил Иван.

– Я даже не сомневался.

Они занесли рыбу в пустующую квартиру, оборудованную под рыботорговельный цех. Борис ушел, а Иван приступил к работе. Когда он занимался ею, время меняло свой привычный ход. Он не заметил, как наступила ночь. Зажег светодиодный аккумуляторный фонарь,

используемый им и раньше, и продолжил работу. Уложился до двух часов ночи. Закрыв бочку крышкой и положил сверху кирпич, чтобы никакая дикая живность не ограбила его.

Вышел на улицу с фонарем, «доедавшим» остатки заряда, и поежился. Ночь была намного холоднее обычной. Видимо, из-за густого тумана, лежащего на кожу зябкой влагой. Зашел в дом, скрипнув дверью. Алёна спала с матерью под одним одеялом. Мать обняла ее, и выглядело это как семейная идиллия. Он прошел в свою спальню, разделся и лег. Вначале не мог уснуть из-за роящихся в голове мыслей о пережитых за день событиях. Обдумывая их, Иван понимал, насколько близок был к смерти. Если бы они задержались на реке на пару минут, его с сестрой могло унести в тот огромный провал вместе с водой, и выбраться оттуда им бы уже не удалось.

А в это время на берегу Карского и остальных морей северного побережья России, да и других стран, происходило следующее. Тектоническая волна, вздымающая океаническое дно, оголила его. Метангидраты, особые кристаллы, образующиеся на дне в условиях высокого давления столба воды и низкой температуры, оказавшись на поверхности, начали активно разлагаться, поглощая огромное количество тепла. Над Арктикой образовался еще более холодный фронт. Тысячи тонн воды были мгновенно превращены в лед. Воздух остыл до критически низких температур на огромной территории. Пока атмосфера планеты пребывала в кратковременном ступоре, фронт оставался неподвижным. Но это продолжалось считанные часы. Неимоверное пекло с одной стороны и холод с противоположной двинулись навстречу друг другу.

Глава 3

Утро началось с шума ветра и ледяных сквозняков, гуляющих по квартире. Иван выбрался из-под одеяла и, стуча зубами, оделся в теплую одежду. Выглянул наружу, отогнув край качественно приколоченного Борисом ковра. На улице мел снег. В конце июля даже здесь такое случалось крайне редко. Иван помнил всего один раз, когда в середине лета шел снег. И то это был мокрый снег, таявший сразу же. А сейчас он видел внизу наметенный у противоположного дома узкий и длинный сугроб.

– Ваня, а почему так холодно? – раздался голос матери.

– Не знаю, мам. Пойду выгляну и принесу ведро угля на всякий случай.

Общая котельная из-за проблем с обслуживанием устаревших труб вышла из строя больше десяти лет назад. Жителям срочно пришлось переделывать отопление в домах, создавая в каждой квартире отдельный контур и собственную печь. Едва успели за короткое лето. Угля с таким подходом уходило меньше, потому что не надо было греть длинный подвод, но теперь каждый лично отвечал за отопление своего жилища, и потому уголь закупали отдельно и держали его каждый в своем хранилище или гараже.

Уголь Щербаковых хранился в той же заброшенной двухэтажке, которую Иван оборудовал под свои нужды. Но имелся у них и гараж, занятый снегоходом. На нем он ездил на работу или в Уренгой, если возникала какая-то внеочередная потребность.

Порыв ветра кольнул жестким снегом в лицо. Иван прикрылся рукавом и побежал к соседнему дому. Пустые пространства старого здания, продуваемые ветром, свистели и гудели на разные лады. Проверил рыбу, засоленную ночью. Она дала немного сока – меньше, чем обычно, из-за холода. Взял парочку на еду. Спустился вниз и набрал ведро угля. Вернулся домой рысью.

В подъезде ему встретился Роман.

– О, Ванька, с рыбалки? – Он жадными глазами посмотрел на рыбу.

– Да, и еще из шахты. – Иван показал ведро с углем. – Затапливайте скорее печку, пока систему не прихватило.

– За углем и иду. А ты чем разжигаешь? – поинтересовался Роман.

– Смесью мазута и солярки, – ответил Иван, не собираясь долго общаться.

Когда котельную закрыли, бесхозной осталась трехтонная емкость с мазутом. Сам по себе он для розжига не подходил, плохо разгорался и был неудобен для использования в домашних печах. За время хранения он превратился в густую смолу. Но если его немного разбавить более горючими жидкостями, то он пригождался и для розжига, и для тех случаев, когда попадался очень плохой уголь, способный затухнуть при слабой тяге.

– Блин, а у меня все закончилось. Я как раз завтра собирался с Борисом деньги и канистры передать, чтобы привезли.

– Заходите, я вам дам немного, дядь Роман, – пообещал Иван, зная наперед, что теперь придется каждый раз делиться с ним горючей жидкостью.

– Спасибо.

Иван заскочил в дом. Алёна с нетерпением ждала брата у печки, сложив в топку все, что пострадало, но могло гореть.

– Наконец-то, – произнесла она.

Навыки растапливания печи сестра еще не утеряла. Плеснула внутрь горючую жидкость, не проронив на пол ни капли. Направила в открытую печную дверь газовую зажигалку и подожгла. Мазутно-солярочная жидкость разгорелась сразу и очень жарко. Деревянные вещи при-
нялись щелкать от пожиравшего их огня почти мгновенно. Алёна погрелась у открытого огня, потом прикрыла дверцу.

– Откуда взялась эта зима? – спросила она.

Иван уже разделывал рыбу, очищая ее от кожи и костей. В ответ на вопрос сестры он пожал плечами.

– Ветер северный, оттуда, значит, – предположил он.

– Растает скоро, не переживайте, – успокоила их мать. – Когда вы еще не родились, тут было такое лето, в которое снег выпал. Дня два лежал, потом растаял. А у меня из теплой одежды – только тонкий свитерок и панамка. Я так и бегала по улице в панамке. – Мать рассмеялась и начала кашлять.

– Таблетку уже выпила? – спросила Алёна.

– Нет. Неси.

Алёна включила телефон и пошла искать лекарство. Иван разделал рыбу, достал из шкафа булку хлеба, испеченную матерью еще дня три назад, и нарезал. Хлеб они пекли сразу на неделю, булок пять, чтобы не замешивать тесто каждый раз. Затем подкинул угля в печь и полил сверху горючей жидкостью, чтобы лучше разгоралось. Алёна напоила мать лекарством.

– Вануйто, а вода еще есть? – спросила сестра, показывая пустую чайную чашку.

Иван только сейчас подумал о том, что вода в емкости, набиравшейся насосом из реки и очищавшейся через фильтр, уже начала замерзать.

– Больше нет. Я сейчас сгоняю. Если насос еще работает, наберу, если нет, придется наполнить все ведра снегом и топить его дома, – нашел Иван выход из положения.

– Вот, ребята, хорошо, что мы все вместе, – произнесла мать, ставя стул к печке, чтобы погреться. – Как бы я себя чувствовала, если бы знала, что Алёнка застряла где-то по дороге? Ванька, ты молодец, что встретил ее и привез.

– Ма, а как я мог ее не встретить? – удивился Иван. – Сестра же.

– А я даже не сомневалась, что Вануйто меня встретит. Он хоть и бурчит, что я зазналась и от рук отбилась в городе, но все равно любит. Это чужого человека можно полюбить и разлюбить, а сестру поневоле любить будешь. Да же, братец?

– Да же. На кухне холодно, давайте завтракать здесь, у печки, – предложил он.

– Конечно, – согласилась мать.

Иван разложил рыбу на три равные части по тарелкам, подал хлеб своим женщинам. Они ели и нахваливали блюдо.

– Если честно, я давно так вкусно не ела, – призналась Алёна. – Все эти гастрономические изыски быстро надоедают. Они слишком яркие, нарочито вкусные и приедаются очень быстро. Я поняла, что все, что хочет тебе понравиться, надоедает очень быстро. Простая еда точно не хочет тебе понравиться, ее задача – наполнить твоё тело энергией и микроэлементами, и в этом состоит ее честность, а отсюда и привлекательность.

– Ты посмотри, нахватались в городе, – усмехнулась мать. – Небось с умником встречалась?

– Я сама что ли не могу умные вещи придумать? – в шутку обиделась дочь. – Ладно, да, это мой парень придумал или вычитал, чтобы произвести на меня впечатление.

– Это тот, с перцем? – догадался Иван.

Алёна одарила его уничтожающим взглядом.

– Нет, другой, – соврала она.

– Так у тебя жених остался в городе? – спросила мать.

Алёна выдержала паузу, обдумывая ответ.

– Нет, не остался. Мы расстались накануне моего отъезда.

– Дурак? Ходок? Алкаш? – перебрала мать самые вероятные варианты.

– Кроме последнего, – ответила Алёна, покраснев.

– Не повторяй моих ошибок. Цени себя, и тогда люди будут под стать твоей собственной оценке. Нечего всю эту шваль собирать. Не в укор вашим отцам, конечно. А может, и в укор, и самой себе в первую очередь.

Сильный порыв ветра сорвал с гвоздей ковер с одной стороны и неистово забил освободившимся краем по раме. Иван кинулся к инструментам, чтобы заделать дыру. Ворвавшийся сквозняк скинул со стола старые журналы на пол и зашумел страницами. Холод неприятно коснулся открытых участков тела.

– Да там уже мороз, – удивилась мать. – Сколько же? – Она поднялась посмотреть на градусник, как раз прибитый к раме этого окна. Надела очки и всмотрелась в красную шкалу. – Минус двадцать, – произнесла она ошарашенно. – Не может быть! Это же лето.

– Вот такое хреновое лето, – произнес Иван, прикладывая степлер к коврику.

Густо набил скрепок, чтобы наверняка. Пробил там, где держалось, и прошелся по остальным окнам. Борис полагался на молоток и гвозди, не доверяя неизвестной технике. Никто не ожидал, что ветер будет таким сильным, как и мороз. Температура в комнате постепенно восстановилась до комфортного значения. Иван доел завтрак и стал обдумывать, за что браться. Природа сошла с ума, и надо было как-то понять, куда ее понесет дальше. Если начнет примораживать сильнее – тогда им следует запастись углем, используя свободные ведра. Или же лучше набрать снега, потому что от полного ведра снега, когда он растает, останется в лучшем случае литра полтора воды.

– Пойду проверю емкость. Если вода не идет, наберу снега. И еще дяде Роме отнесу рыбку. Он так на нее смотрел, – поделился Иван планами на ближайшее время.

– Этот Рома – самый хитрожопый старик в нашем поселке. Если ему что-то надо, он с живого не слезет, пока не выпросит. Запомни, Ваня: ты в ответе за тех, кого прикормил.

– А если ему есть нечего?

– Кому? Этому жиду? – возмутилась мать. – Я однажды носила ему валидол. Он лежал на кровати, умирать собирался. Пошла ему за водой, открываю тумбочку на кухне, а там ряды круп, макарон, банок с чем хочешь: со сгущенкой, рыбой, фасолью, горошком. Если и наступит конец света, то мы умрем от голода раньше Ромы на год.

– У нас рыба, – напомнил Иван.

– Ну ладно, умрем одновременно с Ромой, но через год после остальных, – согласилась мать.

– Как бы узнать, такая погода везде установилась или только у нас? – Иван полез в шкаф за зимней одеждой. – Алёнк, у тебя в телефоне радио есть?

– Без понятия. Ни разу не пользовалась.

– Если есть, подключи наушники и проверь.

– А телефон потом как заряжать? – спросила сестра, начав выполнять распоряжение брата.

– Придумаем. – Иван надел толстую куртку с капюшоном и унты. – Прекрасный летний костюм. – Он покрасовался перед зеркалом в свете фонарика. – Я за водой.

Вышел на улицу и чуть не упал под порывом ветра. Первый снег лег еще на теплый асфальт перед домом, растаял и быстро замерз, образовав идеально гладкую поверхность. Мощный ветер, зажатый между двумя рядами домов, дул, как в аэродинамической трубе. Иван направился к водяной емкости, держась за стены и прикрыв глаза. С природой случилось что-то невероятно ужасное, напоминающее событие, заморозившее мамонтов и шерстистых носорогов, обитавших в этих местах в давние времена.

Иван неожиданно столкнулся с Марселем, живущим с женой Руфиной в соседнем подъезде. Они обосновались в поселке лет семь назад. За два года до этого пара приезжала сюда в качестве туристов. Хотели экзотики и получили ее. Здешний образ жизни, размеренный и

независимый, произвел на них впечатление, и супруги поняли, что хотят жить так же. Собрали вещи и переехали.

– За водой? – спросил Марсель.

– Да.

– Не получится. Воды было мало, давно не качали, и она замерзла.

– Я так и думал. Придется набирать снег. – Иван зачерпнул ведром из ближайшего сугроба, придавил рукавицами и набил еще.

– Точно, а я не сообразил. – Марсель тоже набрал снега в оба ведра. – Как думаешь, Иван, что произошло?

– Без понятия. Духи сердятся.

Они направились к подъезду. Теперь ветер подгонял их в спину, помогая идти. Зашли в подъезд, где жили Щербаковы, и обстучали с себя набившийся в каждую складку снег.

– У вас припасы продуктов имеются? – спросил Иван.

– Ну как имеются... На неделю, не больше. Мы же не думали, что такое может произойти. Хорошо, уголь завезли заранее, иначе было бы совсем туго. – Марсель отер ладонью мокрый снег с лица.

– Короче, у меня осталась рыба соленая и копченая. Самый свежак, который я еще не успел продать, можете рассчитывать на нее, но выдавать буду строго по пайке, – предупредил Иван.

Он уже успел обдумать, как надо распорядиться запасами рыбы, чтобы их не растащили. Подойдя к вопросу по-хозяйски, можно было растянуть эти запасы на пару месяцев.

– Конечно, Иван, спасибо. Ты всегда был человеком, смотрящим в будущее. Удивляюсь твоему трудоголизму, – произнес Марсель с чувством.

– Трудоголик – это плохо, любой голик себе не хозяин. Мне просто не нравится скучать, и я люблю, когда денежки есть в кармане.

– Но ты же рыбу не собираешься продавать нам? – Марсель так понял его слова.

– Сдурел. Я не про эту ситуацию. – Иван аж покраснел оттого, что о нем так подумали. – Бесплатно буду раздавать, но как посчитаю нужным. Говорят, у Романа полные шкафы продуктов, а он будет ныть, что ему рыбу недодают.

– Думаешь, надо экспроприировать его продукты?

– Посмотрим, что будет с погодой дальше. Если холод задержится надолго, придется всем считать свои припасы и складывать их в общий котел, чтобы делить поровну.

– Не все одобряют, – решил Марсель.

– Знаю, но придется убеждать.

– А ты думаешь, это надолго?

– От отца, хоть я его и не знал, мне досталась хорошая интуиция, которой лишены люди с Большой земли. Она мне подсказывает, что перемена погоды надолго, – поделился Иван. – Как только вчера тряхнуло, у меня сразу появилось нехорошее предчувствие.

– Черт, я надеялся, что это на пару дней, неделю максимум. А как же морошка, грибы? У нас с Руфиной были такие планы на это лето!

– У всех были планы. Ладно, пойду домой, а то так снег никогда не растает. Могу попросить тебя помочь с рыбой?

– Конечно. Что мне еще делать?

– Ну спасибо. Давай, жене привет. – Иван взял ведра и поднялся на второй этаж.

Зашел в теплую и темную квартиру. В воздухе висел легкий запах угольного дыма – наверное, женщины еще подкидывали угля в печь. Алёна с матерью разговаривали на кухне. Иван прошел к печке и поставил ведра рядом с ней. Затем зашел на кухню. Мать катала тесто на лапшу. Алёна ее нарезала. Свет на кухне давал синий цветок горячей газовой конфорки.

– Девчата, газом пользуемся в крайнем случае, – предупредил Иван. – У нас остался еще один баллон.

– Так это на месяц хватит, – ответила мать.

– Но мы не знаем, когда закончится такая погода, – возмутился Иван.

– Ладно тебе, Вануйто, сегодня ведерную кастрюлю лапши приготовим и неделю будем есть, – успокоила его Алёна.

– Неделю точно не продержится, – вставила мать после паузы. – Думаю, к завтрашнему вечеру снег уже растает.

– Непохоже. Алён, ты радио проверяла? – спросил Иван.

– Ничего нет, кроме шума.

– Плохо. – Иван сел на стул.

– Почему, Вань? – Мать замерла со скалкой в ожидании ответа.

– Раз нет сигнала, значит, на сотню километров такая петрушка творится. Я очень надеялся, что тряхнуло только нас, а Уренгой или Лимбяху не задело.

– А что с водой? – поинтересовалась Алёна, решив, что не стоит заикливаться на худших предположениях.

– Замерзла. Снега набрал и к печке поставил. На ведерную кастрюлю воды придется набирать за три приема.

– А мы никуда не торопимся, – ответила сестра.

– Ну, раз так...

Иван вышел из кухни и подошел к ведрам у печи. Снег в них уже осел. Переложил его из одного ведра в другое и отнес на газовую плиту.

– Чтобы не зря газ тратился, – пояснил он. – Пойду наберу еще снега.

Он не стал одеваться. Выскочил на улицу, зачерпнул снега из ближайшего сугроба, притоптал и набрал еще. Субъективно, мороз как будто усилился. Кожу на лице и руках обжигало сильным ветром. Он даже пожалел, что градусник теперь невозможно разглядеть. Бегом вернулся в квартиру и понял: кожу обожгло морозом. От теплого воздуха щеки и уши стали гореть, как будто их опалили газовой горелкой.

– Там уже ниже тридцати, – сообщил он. – Я обморозился.

– Тебя минуту не было, – засомневалась Алёна.

– Тогда температура еще ниже. Плюс сильный ветер. – Иван взял фонарь и подошел к зеркалу.

Включил свет и осмотрел себя. Кожа на лице покраснела и пошла пятнами. Ему вдруг стало страшно от предположения, что температура может упасть еще ниже. Бетон, из которого построен дом, потревоженный землетрясением, мог не выдержать такой низкой температуры и разрушиться. А так как он сейчас находился в наклоненном состоянии, угрожающем его целостности, то катастрофа могла произойти в любой момент.

– Девчат, надо приготовить одежду на случай, если дом начнет разрушаться, – предупредил он своих женщин, вернувшись на кухню.

– А почему он начнет? – удивилась мать.

Иван объяснил ей причины.

– Если услышите подозрительный треск или хруст, моментально хватайте одежду – и на улицу.

– Чтобы околеть скорее, – усмехнулась сестра.

– Не знаете, у кого ключ от холодного склада? – спросил Иван, игнорируя поддевки Алёны.

– У Софьи. Она у нас кладовщик со стажем, – ответила мать.

– Проверить бы его, не завалился? Если цел, можно было бы использовать как временное убежище.

– Софа не пойдет в такой мороз, она дама благородных кровей. Ее папа в министерстве работал, – поддела мать соседку.

– Да я сам бы сходил проверил. Нам обязательно надо иметь запасной вариант. И рыбу, если там все нормально, я бы переташил на этот склад. – Иван снова оделся.

– Неугомонный, точно отец. Только он за оленями бегал.

– Короче, я пошел. Если какой скрип подозрительный, бегом на улицу, – предупредил Иван.

– Смотри не замерзни. Твой отец жиром лицо мазал, чтобы не обмерзло, – посоветовала мать.

– За это ты его, наверное, и полюбила? – пошутил Иван.

– Вот поросенок. Иди уже.

Иван спустился на первый этаж и постучал в дверь соседки. Она долго не открывала. Наконец послышались шаги.

– Кто там? – спросила Софья Марковна.

– Это я, Иван. Мне нужен ключ от холодного склада.

Соседка открыла дверь. Из квартиры пахнуло дымом и готовящейся едой.

– Тебе зачем? – Софья была одета в пальто и валенки. – Там уже давно пусто. Лет десять как.

– Это хорошо. Вы знаете, что на улице мороз уже к сорока приближается. Я боюсь, что наш дом с потрескавшимися стенами может не выдержать сильного мороза и окончательно рассыпаться.

– Сорок? – удивилась соседка. – А я думаю, чего это топлю, топлю, а теплее не становится? Думала, что воздух в трубах появился, но нет, горячие.

– Дайте ключи, я проверю склад, – попросил Иван, понимая, что промедление может стоить жизни жителям дома.

– Сейчас. Заходи. – Софья впустила Ивана и ушла на кухню. Зашумела ящиками, долго рылась в них, наконец нашла. – Вот, это ключи от первой двери. На второй ничего нет, поднимешь щеколду и заходи, – пояснила Софья Марковна.

– Спасибо. – Иван взял ключи.

Вышел на улицу и снова пошел вдоль дома. Метель усиливалась. Видимость упала от подъезда до подъезда. Сухой колючий снег больно бил в лицо, пробирался под одежду и резал тело ледяными лезвиями. Кончик носа побелел за несколько секунд. Иван прикрылся рукавицей и упорно двинулся вперед. Споткнулся о плотный сугроб. Пока поднимался, ветер попал под одежду и выдул остатки тепла.

Хорошо, склад находился в пятидесяти шагах от дома. К дверям пришлось спускаться под навес, и здесь уже не было такого ветра. Над входом повис язык из наметенного снега. Иван поднырнул под него и оказался в относительно тихом месте. Ключи пришлось брать голыми руками. Металл обжигал кожу. Как и следовало ожидать, просто открыть не получилось: мороз заклинил механизмы замка. Иван знал, что так будет, и взял с собой баллончик с размораживателем. Побрызгал в личинку и погонял ключом, чтобы разошлось. Замок с трудом поддался.

Иван приоткрыл дверь, только чтобы протиснуться внутрь. Сильнее открыть мешал сугроб. В тамбуре показалось намного теплее, чем снаружи. Состояние его не вызывало опасений. Он был укреплен бетонными стенами и плитой перекрытия. Она треснула, но не прогнулась. Подошел ко второй двери, поднял массивную щеколду и потянул. В самом начале дверь не хотела открываться, цеплялась за косяк. Иван резко дернул ее и выдернул из зацепа. Косяк прогнулся сильнее, сверху посыпался раскрошившийся бетон. Обратно дверь закрыть уже не получилось бы. Зашел внутрь. Зажег фонарь, чтобы детальнее осмотреть состояние склада.

Склад пережил землетрясение не сказать чтобы хорошо. Дальний угол обвалился. Стены из промерзшей породы, укрепленные только тонким слоем бетона с многочисленными сталь-

ными испарителями, не выдержали нагрузки. Но если допустить, что подобных жутких землетрясений больше не случится, то склад вполне подходил как временное прибежище. На контрасте с улицей здесь было просто жарко, почти сауна. Пахло сырой затхлостью и как будто даже подгнившими овощами. Но этот склад не видел их уже много лет. Картошка в нем замерзала зимой, поэтому жители ее не хранили и вообще не покупали в зимнее время, обходились крупами и макаронами.

Осмотр устроил Ивана. Он оставил наружный замок внутри и вернулся домой. Из-за попутного ветра показалось, что стало теплее, но без термометра любые ощущения казались слишком субъективными. Из любопытства подошел к окну Софьи Марковны, чтобы посмотреть, сколько показывал ее градусник. Здесь было принято вешать специальные полярные термометры, показывающие отрицательную температуру до минус семидесяти градусов по шкале Цельсия. Иван потянулся на цыпочках, чтобы разглядеть. Увидел показания и протер глаза, решив, что собравшиеся от мороза слезы мешают рассмотреть. Но нет, градусник показывал минус шестьдесят три градуса. А вчера в это время было почти плюс тридцать.

Он бегом забежал в свою квартиру, наделав много шума.

– Что случилось? – Мать выбежала из кухни.

– Угадайте, какая температура на улице? – спросил Иван интригуя.

– Минус сорок! – выкрикнула сестра.

– Минус шестьдесят три, – четко проговорил Иван каждое слово.

– Да ладно! – Алёна тоже выбежала из кухни. – А я трогаю стену, а она как будто все холоднее и холоднее.

– Но это ведь невозможно! – Мать больше испугалась, чем удивилась. – Откуда мог прийти этот холод?

– У меня одна версия: холод берется из обнажившейся вечной мерзлоты, – предположил Иван. – Представляете, какие под землей аккумуляторы холода, которые одновременно открылись.

– И что, за два дня не обогреет? – Мать не могла поверить, что такое случится.

– Непохоже. – Иван разделся и снова осмотрел себя в зеркале. Лицо начало шелушиться. – Все-таки я обморозился.

– А как там склад? – поинтересовалась Алёна.

– Нормально. Немножко пострадал, но жить можно. Не знаю теперь, переносить рыбу или нет. На таком морозе она может сильно пересохнуть, но, с другой стороны, сухая дольше не испортится. – Иван прошел к печке, открыл дверцу и бросил два совка угля. Поставил стул поближе и сел погреться. Снег в ведре уже полностью растаял. – Девчата, забирайте воду и ставьте суп. Может, успеем приготовить, пока дом не развалился! – крикнул он громко и добавил тише: – Наморозим суп да будем откалывать и есть.

– Типун тебе на язык, Вануйто. – Алёна пришла и забрала ведро. – Эти дома нас еще переживут.

– А почему те два не пережили? – Иван кивнул в сторону начала улицы, где рухнули две пустующие двухэтажки.

– А потому что в них не жили люди. Ты же знаешь, дома без людей быстро приходят в негодность, как и машины и другие вещи. – Алёна ушла к матери.

Они зашумели переливаемой в кастрюлю водой. Мать вынула из начавшей размораживаться морозилки курицу и бросила в воду. Иван пригрелся у печи и начал задремывать. Тьма в доме и вой ветра за окном очень способствовали этому. Проснулся он от громкого щелчка. Алёна с матерью всполошились и забежали по кухне.

– Иван, Ванька, тут стена треснула! – выкрикнула сестра. – Что делать?

Иван зашел к ним. Внешняя стена лопнула через оконный проем наискосок. Часть ковра, прикрывавшего его, оторвалась, и в образовавшуюся щель бил снег. Иван вздохнул, поняв, что

его худшие прогнозы начинают сбываться, взял степлер и пригвоздил ковер на место. Обратил внимание на его внутреннюю часть: она покрылась иголками инея. Отопление по мере промерзания дырявых стен и из-за отсутствия окон плохо справлялось со своей функцией.

– Что делать? – повторила вопрос мать, не услышав от сына никакого ответа.

– Я уже сказал: придется перебираться на холодный склад. Как доварите суп, так и начнем переселяться.

– Трубы полопаются, если не топить, Вань. – Матери совсем не нравилась идея оставить свое жилье.

– Воду сольем. – Иван не думал отказываться от своего плана. – Скоро у вас сварится?

– Курица-несушка старая, еще час точно варить, иначе не разжуешь, – ответила мать виновато. – Ты уже проголодался?

– Не столько проголодался, сколько от скуки хочется заняться чем-нибудь.

– А давай я тебе лапшу быстрого приготовления бульоном залью? – предложила сестра.

– Давай, – согласился брат. – Почувствую себя городским человеком.

– Точно. – Алёна рассмеялась.

Стена по всей длине вокруг трещины быстро покрылась белой опушкой инея. Если приложить руку к щели, чувствовался идущий с улицы режущий, острый холод. Домашний термометр, стоявший на столе, показывал двенадцать градусов на кухне. Даже горящий газ не мог поднять температуру выше. Теплый воздух сразу поднимался вверх, а по полу гуляли холодные сквозняки.

– Вы же слышали, что мамонты замерзли мгновенно с непереваренной едой в желудке? – спросил Иван у Алёны и матери.

– Нет. – Мама никогда не интересовалась этой темой.

Отец Ивана иногда рассказывал ей, что откапывал и продавал бивни мамонтов, но ее в молодости волновали более приземленные вещи.

– Я смотрела ролик как-то, но сейчас столько фантазеров, что веры никому нет, – поделилась Алёна.

– А вот представьте, что вчера днем было плюс тридцать, а сегодня минус шестьдесят пять. Если бы мы с тобой, Алён, не успели доплыть до дома и нас вытряхнуло бы где-нибудь на середине пути, то что с нами бы произошло? Замерзли бы как мамонты в течение двадцати минут на таком морозе.

Сестра впечатлилась, вживую представив озвученный братом сценарий. Подошла к Ивану и обняла его.

– Как хорошо, что вы у меня есть, – всхлипнула она. – В большом городе я была совсем одна. Все, кто называл себя другом, на самом деле никогда бы не пришли на помощь, если бы там случилось что-то подобное. Только беда показывает, кто есть кто в твоей жизни.

Алёна поцеловала брата в голову и пошла готовить ему лапшу. Иван сидел у окна, слушал завывания ветра и шорох колкого снега, бьющего в ковер. Ледяная смерть ходила по ту сторону стен в ожидании жертвы, спрятавшейся за бетонным панцирем.

Глава 4

Температура на градуснике Софьи Марковны уже несколько часов держалась на отметке минус шестьдесят пять градусов. Ветер ослаб, снег прекратился, и на белое покрывало легли красные оттенки полярного солнца. В воздухе висела морозная дымка, съедающая часть спектра солнечного света, отчего получался такой неестественный тон. Это был самый жуткий июльский денек за всю историю человечества.

Иван проверил все квартиры, убедился, что никто не замерз и не нуждается в помощи. Пока еще все жители поселка были живы и справлялись самостоятельно. Он предупредил, чтобы в случае признаков обрушения дома люди готовились бежать на холодный склад. Посоветовал собрать тревожный чемоданчик и поставить его у дверей. Про одежду можно было не напоминать: в квартирах сделалось так холодно, что все и без того ходили одетыми.

Иван забрался на крышу дома – окинуть окрестные пейзажи взглядом. Он не ожидал увидеть столько столбов пара, поднимающихся к небу. Особенно парил огромный разлом дальше по руслу Пура. Пар из него клубился, как из трубы паровоза, поднимаясь белыми облаками к небу, исчезая в матовой дымке. Теория насчет того, что мороз взялся из разверзнувшейся земли, больше не казалась Ивану правдоподобной. Трещины достигали горячих недр и выбрасывали больше тепла, чем холода. Других объяснений творящегося катаклизма у него не осталось. Впору списать его на проделки разгневанных духов.

Трубы на крыше обильно дымили. Угольная сажа растянулась серым хвостом от домов по свежему снегу в направлении ветра. Иван помнил Тихий и окрестности заснеженными, но сейчас они выглядели иначе, как будто он находился в другом месте. Возникло чувство, будто он чужак и все жители чужие этому переформатированному миру. Как мамонты или шерстистые носороги.

Иван спустился вниз, сходил в цех проверить припасы. Рыба покрылась белесым налетом выступившей влаги и соли. Мороз выдавил ее, превратив рыб в мумии, звенящие от прикосновения. Свежесоленая рыба в бочке замерзла в глыбу, а бочка треснула, не выдержав расширения воды. Пластик сделался хрупким и крошился от легкого прикосновения. Глыба сохранила форму бочки и держалась на полу без ее помощи.

С улицы раздались шаги. На морозном воздухе звук распространялся так, словно человек шел в метре от тебя. Иван отодвинул кусок полога, закрывающего окно. К нему направлялся Борис.

– Вануйто, ты здесь? – спросил он громко до того, как войти.

– Здесь, заходи.

Борис зашел, скинул рукавицы и потер щеки.

– Вот печет, да? – засмеялся он.

– Не то слово. У меня кожа с лица лохмотьями слезает. – Иван потер лицо рукой и показал. – А вы чего ко мне – дома не сидится?

– Заняться нечем. Сидишь один в темноте, и тоска начинает заедать. Угля подкинул в печку, дай, думаю, прогуляюсь. А куда идти, понятно, к тебе. Кто у нас еще может на улице в такую погоду находиться? – Борис осмотрел лопнувшую бочку. – Ого, вот это леденец. Говорят, в сильный мороз любая поверхность имеет вкус клубники.

– Серьезно? – Иван не сразу понял, что это шутка.

Борис снова рассмеялся.

– А ты проверь, – посоветовал он.

– Не, я знаю, что потом случится, ученый уже. Любой ребенок проходит через этот опыт, даже зная заранее, к чему это приведет.

– Да, собственный опыт – это настоящий опыт. Кстати, ты не узнал, надолго к нам зима?

– Откуда? У Алёнки на телефоне есть радиоприемник, но он не ловит ни одного сигнала. Он, правда, работает только на FM, поэтому далекие радиостанции ему недоступны. Но из Уренгоя ни звука. Думаю, там то же самое, что и у нас. Что тут, семьдесят километров. Для метели, какая была, пустяк.

– Да, дела. Не думал, что доживу до такого. Это ведь катаклизм планетарного масштаба. Даже если это случилось только на нашей территории, изменения погоды затронут всю планету. Как говорил мой учитель географии, если в одной стороне земного шара случилась засуха, значит, в другой непременно будут идти проливные дожди. А если где-то приморозило, значит, где-то припекло. Планета всегда поддерживает баланс погоды, иначе процесс может войти в неуправляемый хаос.

– Я бы выбрал жару, – признался Иван. – От нее проще спрятаться, чем от холода, не надо топить печку, и домам полегче.

– Ну не скажи. У нас тут вечная мерзлота держит грунт, а если она начнет таять, все поплывет к чертовой матери. Заболотится местность, не выберешься. Наши двухэтажки точно развалятся или уйдут по окна в жижу. – Борис откинул полог и посмотрел в окно на свой дом. – Да, Вануйто, я-то пожил, а ты молодой еще. Даже жалко, что вам досталась такая судьба.

– Вы так говорите, дядь Борис, как будто эта аномалия на десятки лет растянется. Мать считает, что через два дня снег растает.

– Растаять-то растает, но все летние букашки, животные, птицы погибли, да и зимние тоже. Всякая погода хороша в свое время. У песцов тоже сейчас мех летний, и выводок, который надо греть каждую минуту, не бросишь – сразу околеют. Жить мы тут больше не сможем и выбраться тоже не сможем. – Борис покряхтел и вернулся к ледяной фигуре из рыб. – Я бы сейчас рыбку-то заточил.

– Давайте отколю.

– Не надо, не порти композицию. Я ел недавно, одни глаза голодные. – Борис вынул рукавицы из кармана и постучал друг о друга, собираясь надеть.

Иван и сам решил, что делать здесь больше нечего. Ни песцов, ни мышей так и не появилось. Наверное, непогода тоже застала их врасплох.

– И я пойду домой. Хоть бы ночь прошла спокойно, а завтра начало таять, – пожелал Иван. – Мы бы еще успели мороженую рыбу из реки собрать. Как бы нам этой зимой не пришлось кормиться самостоятельно подножным кормом.

– Очень вероятная перспектива. Я всегда знал, что наступит время, когда про наш Тихий забудут. Это нам расплата за глупость и лень, что не стали искать себе нормальное место, остались здесь, как трусливые зайцы. Природа немного ускорила этот процесс. – Борис вышел из цеха, пропахшего дымом и рыбой.

Иван покинул его следом и плотно задернул полог. Низкое полярное солнце стремилось к горизонту. Это было удивительно – видеть длинный полярный день и снег одновременно. Взгляд Ивана упал на большой разлом, пыхтящий паром. Наверное, он увидел боковым зрением, что в нем что-то происходит. Из-под земли в небо взрывообразно устремились бурые клубы. От разлома во все стороны разошлась матовая сфера взрывной волны. Иван ничего не успел сделать, как она ударила его по телу и по ушам, обдала поднятым в воздух колючим снегом. Он устоял на ногах, а Борис упал.

Огромный клубящийся шар из пара, дыма и кусков породы расходился в разные стороны. С неба полетели куски земли. Иван схватил Бориса и потащил его под укрытие стен. Несколько раз ему ударило в спину, но он не обращал внимания. Забежали под козырек и наблюдали, как в снег влетают куски горячей земли и шипят в нем.

– Это сколько же бахнуло в тротиловом эквиваленте? – удивился Борис. – Меня сбilo с ног за километр от эпицентра.

– Много. – Иван понятия не имел о том, как считают силу взрыва.

Он выглянул из-за угла дома. Темная масса, похожая на пирокластический поток, приближалась к поселку, пугая непонятными последствиями. Ивану подумалось, что она очень горячая и в ней невозможно дышать.

– Дядь Борис, что делать? – Он указал рукой в сторону надвигающегося потока.

Сосед тоже выглянул и сразу отпрянул.

– Ванька, если помрем, знай: я на тебя зла не держу и прошу меня простить, если сделал что-то не так, – попросил побледневший Борис.

– Дядь Борь, вы думаете, это смертельно? – Голос Ивана дрогнул.

– Я не знаю, но выглядит хреново, как рана с гангреней. Иди домой. В такую минуту лучше быть с родственниками.

Иван не успел открыть дверь, как навстречу выбежала испуганная Алёна.

– Вануйто, ты живой? – Она бросилась обнимать брата. – А что это так бабахнуло?

– Пойдем домой, расскажу. – Иван затолкал ее назад в подъезд.

Они поднялись в квартиру. Мать самостоятельно забивала степлером сорванные взрывной волной с окон тряпки.

– Вань, мы думали, дом падает, – произнесла она дрожащим голосом.

– Это был взрыв в той трещине, куда Пур слился. Я думаю, вода нагрелась, и произошел взрыв пара. Короче, на поселок надвигается масса из пара, дыма и еще хрен знает чего. Мы можем задохнуться. Поэтому бросай работу, давайте сядем вместе за стол, вдруг это наши последние минуты. – Иван скинул шапку на трюмо, прошел в зал и сел за стол у печки.

Мать чуть не упала со стула, а сестра потеряла дар речи.

– Ты не шутишь? – спросила она, выдержав паузу.

– Хотел бы, но нет. Садитесь, девочки. В этой ситуации мы не можем ничего поделать. Давайте примем смерть достойно. Повезет – попадем в страну вечной охоты вместе. Идемте уже.

Алёна и мать сели за стол и взялись за руки. Звуки с улицы стали глуше, осталось только шипение, как будто сдувалось колесо. Ковры и тряпки на окнах дрогнули под порывом добравшегося до поселка потока продуктов взрыва. В щели потянуло запахом сырого пара и канализации. Ковер на окне мгновенно сделался мокрым. Не успевший растаять иней осыпался на подоконник. Через стены послышались испуганные вопли соседей. Наверное, они осмелились выглянуть наружу.

Пока признаков удушья не наблюдалось. Не кружилась голова, не участилось дыхание. Стены дома, пережившие слишком многое за сутки, снова начали издавать пугающие звуки из-за резкого перепада температур. Иван никак не комментировал их, чтобы не сеять панику. Мать, как только сын стал взрослым и самостоятельным, прислушивалась к нему и по хозяйственным вопросам считала его более смышленным. Поэтому Иван с осторожностью относился к тому, что можно произнести вслух. Сейчас он молчал, надеясь определить признаки начала разрушения дома заранее.

– Вот тебе и потеплело, – прокомментировала мать стекающий с подоконника на пол ручеек от растаявшего инея. – Гораздо быстрее, чем ждали.

– А может быть, мы уже в раю? – в шутку предположила Алёна.

– Что-то ангелы не поют. – Мать улыбнулась.

– А ты думаешь, тебя пустят в рай? – спросил Иван у сестры.

– А куда еще? Я двух котят бездомных в хорошие руки пристроила – стопудово забронировала себе местечко в райском саду. – Алёна вызволила руки. – Я посмотрю в окошко.

– Может, не надо? Рано еще? Иван? – Мать испугалась за дочь.

– Я думаю, самый опасный момент мы пережили, – разрешил Иван.

Алёна потянула нижний приколоченный уголок ковра. Силенок у нее было маловато для такого.

– Не надо, – остановил ее брат. – Еще неизвестно, сколько времени нам придется закрываться ими. Давайте сохранять то, что имеем. Иди с лестничной площадки посмотри.

– Хм, ладно. – Алёна накинула куртку, шапку и вышла на площадку.

В прихожую ворвались клубы пара, мгновенно наполнив квартиру запахом тухлой сырости. Алёна вышла в коридор и сразу же вернулась.

– Ничего не видно, – сообщила она. – Но вонища стоит жуткая. Не зря говорят, что черт воняет серой. Где-то рядом открылись ворота в ад, и скоро мы увидим тех, кто там обитает.

– Тьфу на тебя, дура, – не сдержалась мать. – Чего мелешь?

– Мам, это просто шутка, красивое предположение. Откуда-то люди взяли, что черти пахнут серой. – Алёна немного обиделась на мать за то, что она грубо ее оборвала.

– Красивое, ага. Я и так страха натерпелась за вас, за себя, а ты еще нагнетаешь.

– На улице вообще ничего не видно? – поинтересовался Иван.

– Абсолютно. Еще и темнеть начало, так что просто нулевая видимость. Но мороза уже нет. Пар немного прогрел воздух, – доложила сестра. – Глядишь, к завтрашнему утру лето снова вернется.

Иван так не считал, понимая, что тепла от одного взрыва не хватит на большую территорию, погода вернет свое, если только не вмешаются более глобальные воздушные потоки. Иван представил, как к утру его леденец из рыбы растечется, и она вся окажется на полу. Выходить на улицу совершенно не хотелось. Природа уже настолько сильно задолбала своими причудами, что хотелось лечь, уснуть, а проснувшись, понять: все эти ужасы приснились, а на дворе короткое полярное лето в самом своем апогее.

– У меня бочка с соленой рыбой лопнула. Пойду в гараж, возьму корыто и переложу ее, – сообщил он семье.

– Я с тобой. – Алёна схватила его за рукав. – У меня скоро депресняк от этой тьмы в закрытом пространстве начнется.

– А мамка одна останется?

– Да идите, что мне будет? лягу, накроюсь да буду лежать. Но вы недолго, а то я буду волноваться, – предупредила мать.

– Ладно, мы быстро.

Иван с Алёной вышли в подъезд. Пар немного рассеялся, оставив на промерзших стенах, поверх крашенных панелей, причудливые узоры. Ступени сделались скользкими. Как и думал Иван, тепла от взрыва не хватило перебить то, что уже набралось морозом. А на улице уже и вовсе не осталось следа от тумана. Ноздрястый потемневший снег сильно просел и покрылся тонкой коркой наста. Под настом он был еще мокрым и громко сминался под ногами.

– Я так думаю, корыто может и не понадобится, – предположил Иван. – Снова замораживает.

– А это что? – Алёна указала варежкой в сторону красного пятна в небе, отражавшегося в низкой сплошной облачности.

Иван задумался. Пятно являлось отражением чего-то горящего на земле и соответствовало положению большого разлома.

– Я думаю, это горит газ или нефть. Сырая нефть имеет запах серы.

– Значит, это нефть так бабахнула.

– Наверное. – Иван не знал точного ответа.

Они подошли к гаражу, выкрашенному серебрянкой. Когда-то отец Алёны сварил его из ворованного железа. В нем он хранил лодку, потом снегоход. Размеры гараж имел небольшие, на машине не заедешь, но годился как склад для набиравшегося хлама, которому не хватало места дома. Не считая самой Алёны, это было лучшее наследство, оставленное им.

Замок открылся без проблем: Иван всегда держал его в смазке. Отворил ворота и осветил фонарем внутрь гаража. Землетрясение наделало тут дел: все, что лежало на полках, сва-

лилось на пол, а сверху на вещи обрушились и сами полки. Старое оцинкованное корыто, в котором раньше мать замачивала белье, а еще раньше, мальчишкой, он устраивал себе бассейн, оказалось под грудой завала.

– Ой, мои игрушки! – Алёна увидела картонную коробку, открывшуюся от удара. Из коробки вывалились ее детские плюшевые игрушки и многочисленные куклы. Девушка взяла глазастую куклу в сшитом ею платище. Долго смотрела на нее, потом вытерла глаза варежкой. – Блин, как я изменилась, – произнесла она.

– В каком смысле? – не понял Иван.

– Была такая добрая, счастливая, любила всех, а потом...

– Все подростки должны пройти через дурость. – Иван принялся разбирать завал. – Это природный механизм, чтобы закрепить жизнеспособные свойства. Кто остался дураком, тот для жизни не годится.

– Ты-то удачно выбрался из этого периода, а мой подростковый возраст как будто затянулся. Вот реально вспоминаю себя ребенком и думаю, что это другой человек, чистый, светлый, наивный, а я-то с говнецом.

– Все мы с ним, куда деваться. Давай, помоги мне, очисти карму.

Они вдвоем довольно быстро добрались до корыта. Иван поставил его на снег у входа в гараж, но выяснилось, что, пока они занимались делом, наст стал толще, и корыто покатилося по ледяной корке вниз, пока не уперлось в сугроб.

– А помнишь, как ты меня катал на санках? – вспомнила Алёна с ностальгической грустью. – Даже когда я жила в интернате и приезжала домой на зимние каникулы. Лосиха уже была, но знала: если на санках не покатали, каникулы прошли зря.

– Садись в корыто, прокачу, – предложил Иван.

– А давай! – Алёна села, выставив ноги наружу.

Иван взялся сзади и потолкал корыто перед собой по заледенелой дорожке. Грохот и визг стояли на всю округу.

– Ничего не меняется, – произнес Борис, вышедший на крыльцо. – Как погода?

– Опять замораживает.

Иван остановился перевести дыхание. Снял шапку. От нее и от головы поднимался пар.

– Такое лето, не знаешь, в чем выйти, – усмехнулся Борис. – А вы чисто побаловаться или по делу?

– Вышли по делу, но решили вспомнить молодость. Я думал, что наша рыба растает до утра, и решил убрать ее в корыто, но что-то непохоже на оттепель. Мороз снова крепчает.

– Могу помочь, – предложил Борис.

– Я справлюсь. К тому же сестру надо к труду приучать, а то она, сами видите, привыкла кататься, а не саночки возить.

– Ей не саночки возить, а детей рожать пора.

– Было бы от кого, родила бы, – ответила Алёна. – Все, накаталась, идем, братец, работать.

– Хорошего вечера, дядь Борь, – пожелал Иван, направляясь к рыбному цеху.

– И вам. Нашему поселку прям повезло, что ты у нас есть, – сделал Борис ему комплимент.

– Да бросьте вы! – Иван отмахнулся.

– Да ты, брат, в авторитете. – Алёна рассмеялась. – Так всем и скажу, что у меня брат – авторитет, весь поселок в руках держит.

– Кому ты расскажешь теперь? – Иван развел руками. – Тут ты надолго, если не навсегда.

– Нет! – Алёна встала как вкопанная. – Я этого не переживу.

– А что мешает?

– Сам слышал, мне замуж надо, семью, детей, ипотеку и отпуск раз в год, чтобы я могла приехать к вам и построить из себя счастливую даму с Большой земли. Я тут надолго не останусь.

– Ну ладно, я и не настаиваю. Если узнаем, что Большая земля не пострадала, лично отведу тебя в ближайший уцелевший населенный пункт и отправлю в твой любимый Екат, – пообещал Иван. – Только игрушку с собой возьми, чтобы не забывать, кем ты была когда-то.

– Зря я тебе сказала – теперь будешь меня попрекать.

– Больно надо. Живи как умеешь.

– Ага, по твоей интонации значит, что я не умею жить вообще.

Иван закатил глаза. Алёна всегда цеплялась к словам. Ей нравилось, когда ее хвалили. Она была типичной женщиной, любящей ушами, принимала комплименты, лесть, даже обман, что в конечном итоге и задержало ее выход из подросткового возраста.

В комнате на полу стояла лужа, впитавшая в себя дымную смолу с сильным запахом копченой рыбы. Она еще не успела замерзнуть. Рыбный «леденец» потерял форму. Оттаявшие хвосты и головы ошетинились в стороны от основной фигуры. Иван поставил корыто на попа и толкнул в него «леденец». Он упал вместе с корытом на пол.

– Дело сделано. – Иван обстучал руку об руку. – Надеюсь, ночь пройдет спокойно.

– Да, хватит уже впечатлений. Столько всего произошло, ни одной психике не выдержать. – Алёна подошла к пологу на окне и постучала по нему.

Он заледенел до твердого состояния. Стенам дома снова предстояло перенести очередной перепад температур. Иван набрал ведро угля, чтобы переночевать. Ветер стих, из-за чего над поселком повис печной дым, очень напоминающий о зиме, настоящей зиме. У подъезда ходила с пустым ведром Софья Марковна.

– Иван, чтобы не переходить тебе дорогу, скажи, где снега набрать: вода закончилась, а тут один лед.

– Оставьте ведро, я занесу домой уголь, вернусь и наберу вам. Тут снег везде грязный. Чистый остался под козырьком склада. Сами вы не дойдете, переломаете ноги – тут везде каток, – предложил Иван.

– Вот спасибо! Я тебя тут подожду.

– Иди, Вануйто, я сама уголь отнесу, – сказала сестра.

– Ладно.

Иван отдал Алёне уголь, забрал у Софьи Марковны ведро и мелкими шажками отправился к складу. Ветер местами так отполировал лед, что устоять не было никакой возможности. Иван упал, грохнувшись ведром. Пришлось идти по сугробам, ломая наст и набирая под штанины снега. Отойдя от домов, он услышал звуки, напоминающие ворчание. Они шли со стороны разлома. Красный отсвет, отражавшийся в небе, менял интенсивность: то затухал, то становился ярче. В земной трещине происходили пугающие процессы, дающие понять, что ничего не закончилось и неприятностей можно ожидать в любой момент.

«Ворчание» передавалось по земле: тяжелая створка первой двери от вибраций соприкасалась с металлическим косяком своеобразной азбукой Морзе. Иван постоял, прислушиваясь к звукам. Обычно когда он оставался в одиночестве, его интуиция работала лучше. Сейчас она молчала. Он разломал наст под козырьком склада. Сюда не падали камни после взрыва и не попадала сажа, потому что ветер дул в другую сторону. Набрал полное ведро, утрамбовав снег как следует, и вернулся к дому.

Софья Марковна приплясывала на месте.

– Замораживает опять. Ты упал, что ли? – Она протянула руки к ведру.

– Да, я же говорил, скользко. Ведро вам немного помял.

– Да бог с ним. Сам не ушибся?

– Нет. Если кто-нибудь еще соберется набрать снега, скажите, что под козырьком склада чистый, а в остальном полно земли и сажи, – посоветовал Иван. – Спокойной ночи, тетя Софа.

– Спокойной ночи, Ванюш. Спасибо тебе.

– Пейте на здоровье.

В квартире после улицы показалось очень жарко. Иван скинул куртку и разулся. Мать кипятила на плите чайник. Алёна копалась в своих сумках.

– Вот! – радостно сообщила она. – Я думала, что оставила их в другой сумке. – Она вынула прозрачный полиэтиленовый пакетик с печеньем. – Простите, что поломанное, по поездкам моталось да по машинам.

– Да ерунда какая! – обрадовался Иван. – Больше всего мне сейчас хочется чая с печеньем. Я даже мечтал об этом, и вот моя мечта сбылась.

– Вся жизнь такая. Вокруг творится апокалипсис, который ты не заказывал, создавая кучу проблем, которых тоже не планировал, мечтаешь о чае с печеньем, и – раз! – вселенная дает тебе исполнение мечты. Вот тебе чай, а вот печенье, радуйся. Вселенной для тебя ничего не жалко, – саркастически пошутила Алёна. – Справедливо? Конечно, справедливо. Это как отрубить человеку руки, а потом пришить мизинчик, чтобы порадовать его.

– Ты неправа, сестра. Кто-то заказывал конец света, а кто-то – чай, и каждый получил свое, – рассудил брат.

– На фига мне конец света, если я его не заказывала?

– Не умеешь ты мыслить масштабно, потому и приходится жить внутри масштабов других людей, – пошутил Иван.

– Мам, откуда у этого оленьевода берутся такие мысли? – Алёна направила на брата указательный палец.

– А что тут удивительного? Иван в Тихом как президент – все на нем держится. Учитывая, что он сам пробился на эту должность, значит, не дурак.

– Вот именно, не дурак. Это именно та характеристика, которая его правильно описывает.

– Ты просто плохо знаешь брата, Алён. Придумала себе, что он необразованный, простоватый, со спорной родословной, а он поумнее многих. Особенно тебя.

– Ма! – возмутилась Алёна.

– Что ма, говорю как есть. Если бы я из вас двоих выбирала, с кем доживать, уж прости, дочь, но выбрала бы не тебя.

– Мам, – теперь уже Ивану стало неловко, – Алёнка тоже поумнела и еще поумнеет, просто мы забаловали ее в детстве. Оба будем доживать у нее за это. И внуков воспитывать правильно.

– Дураки мои. – Мать улыбнулась.

Чайник засвистел. Мать разлила чай всем в железные кружки из комплекта, которым пользовался Иван на вахте. Никакой другой целой посуды не осталось, кроме железных мисок и этих кружек. Аромат чая с сушеными ягодами разлетелся по всей кухне. Алёна высыпала печенье в миску и поставила в центр стола.

– Угощайтесь, это вам привет из Екатеринбурга.

– Ну здравствуй, город, укравший мою дочь. – Мать взяла печенье. – Мм, как я и думала, немного приторно.

Алёна не поняла, как отнестись к замечанию матери.

– У вас с Вануито юмор стал одинаковым. Вы дурно друг на друга влияете, – произнесла она без тени обиды.

– Вкусное печенье. В Уренгое такого не пекут, – оценил Иван гостинец. – А я так вообще выбирать сладости не умею. Мне чем ярче упаковка, тем, кажется, вкуснее будет.

– Не удивлена, – поддела его сестра. – Типичный принцип выбора для аборигенов.

– Так, дети, хватит этих ваших пикировок. Вы уже давно выросли из противного подросткового возраста. Давайте лучше обсудим, как нам жить дальше. Месяц, осень и так далее. Что можно запасти впрок, припрятать от людей, если до нас так никто и не доберется, – предложила мать серьезным тоном. – Ты уже думал об этом? – обратилась она к сыну.

– Насчет припрятать не думал. Но если непогода затянется, я пойду в Уренгой пешком или на снегоходе поеду. Туда уж точно какие-нибудь спасатели приедут, все-таки не последний поселок в наших местах. Шесть тысяч народу живет. Это не наша дикарская община о трех десятках человек, – поделился Иван планами.

– А это не опасно? Земля потрескалась, свалишься и шею свернешь на снегоходе-то, – испугалась мать.

– Вообще их видно даже на снегу, но вероятность не заметить небольшую трещину, припорошенную снегом, нельзя исключать. Поэтому пойду пешком. Два дня, и я там. Палатку возьму, газ, ружье, рыбу. Ничего со мной не случится. В первый раз, что ли? Найду тех, кто представляет власть, сообщу о нас, узнаю, что планируют. Если ничего не планируют, добьюсь, чтобы выделили продукты, газ, лекарства, витамины какие-нибудь.

– А если не выделят, на хрен пошлют? – спросила Алёна, не слишком веря в то, что им захотят помочь.

– Это маловероятно, – засомневался Иван. – Мы же люди, такие же, как и жители Уренгоя. Нельзя от нас отмахнуться, как будто мы не существуем. Романа Витальевича найду, он там не последний человек, поможет. А я колышки буду ставить по дороге, чтобы назад по проторенной дорожке на снегоходе с прицепом вернуться.

– А снегоход тебе кто даст? – Алёна была уверена, что брат фантазирует.

– Роман. Он мне прошлой зимой, когда у нашего гусеница лопнула, предлагал забрать его снегоход, а мой обещал отремонтировать.

– Блин, ребята, большой город меня испортил. Я не могу себе такого представить, чтобы кто-то забрал мою сломанную машину и отдал свою, обещая ее отремонтировать. Вы что тут – все из одной секты? – Алёна хмыкнула.

– Это же Север. Тут нельзя так просто отказать человеку, попавшему в беду, потому что сам в любой момент можешь оказаться в подобной ситуации, – напредила ей мать. – Это у вас в комфорте принято думать только о себе, зная, что с тобой ничего не случится. Есть такси, скорая и так далее. Позвонил – приехали, нет никакой зависимости от случайных людей. У нас тут одна надежда друг на друга. Волей-неволей приходится становиться хорошими. Помню, как меня коробила непосредственность местных, когда я впервые сюда приехала. Думала: какие вы нудные, чего вы ко мне лезете со своей заботой, пока не попала в неприятности. Только после этого оценила и поняла, что не нудные они, а внимательные.

– Раз так, значит, у Вануито все получится. Ты заодно узнай, какой транспорт теперь ходит от Уренгоя, и летают ли самолеты из Нового Уренгоя, – попросила сестра.

– Узнаю, конечно. – Иван зевнул и начал тереть глаза. – Что-то меня после вашего чая начало срубить.

– Это инсулин от сладкого выделился и клонит в сон, – пояснила Алёна. – Я бы тоже легла. Жуть как хочется, чтобы завтра все вернулось, как было. Всю ночь буду молиться, чтобы произошло чудо.

– Давайте ложиться. – Мать встала из-за стола. – Сейчас кровати приготовлю.

– Чего их готовить, мам? Я все равно одетая лягу.

– Ну ладно, – согласилась мать. – Тогда пойду угля подкину.

– Мам, поставь будильник на два часа, я встану, подкину среди ночи, – попросил Иван.

– Спи, мистер президент, сама подкину. Ты весь день волчком крутился. Если еще спать не будешь, то скоро силы все растеряешь, – категорически отказала ему мать. – Спи спокойно, я сама подкину, один черт бессонница из-за этой катавасии.

– Спасибо тогда. – Иван направился в прихожую.

– Ты куда? – удивилась мать.

– Температуру на градуснике тетя Софы посмотрю. Хочу понять тенденцию, – ответил Иван.

Вышел на улицу. По ощущениям мороз уже был не меньше двадцати градусов. Подошел к градуснику и посветил на шкалу. Он почти угадал, прибор показывал двадцать четыре градуса мороза, и, судя по всему, тенденция была к понижению температуры. Красное зарево продолжало отражаться в небе бледно-красным пятном. Погода стояла тихая, и потому можно было слышать ворчание разлома. Это духи злились, что их разбудили, и мечтали выместить злобу на людях.

Иван постоял немного, вдыхая морозный воздух полной грудью, пока не начало щипать уши и нос. Вернулся домой, разделся и сразу юркнул под одеяло.

– Как погода? – спросила сестра.

– Двадцать четыре.

– Плюс или минус?

– Деление, – пошутил Иван.

– Вот... мам, что этот оленевод себе позволяет?

– Спите, дети, завтра днем пособачитесь от души. На сегодня ваш лимит отношений исчерпан. Кто первым уснет, тому завтра оладьи испеку, – пообещала мать.

– Не надо, мам. Давайте будем экономить те продукты, которые можно хранить. Испечем хлеб, когда есть станет нечего, – посоветовал Иван.

– На этой оптимистической ноте предлагаю замолчать до утра, – сказала Алёна.

Иван отвернулся к стене. Откуда-то из щели прямо в лицо дуло сквозняком. Он не стал его терпеть и укрылся одеялом с головой. Ночью спал тревожно, снились кошмары, где-то что-то грохотало, завывало и звенело. Проснулся он от толчка в плечо. Открыл глаза, но ничего не увидел.

– Иван, это я, – раздался рядом голос матери.

– Что случилось?

– Там снаружи опять какая-то дичь творится. Нам надо что-то делать.

За ковром, трепыхавшемся под порывами ветра, действительно гремело и завывало. Крыша ходила ходуном, громыхая шифером по потолку. Иван спустил ноги с кровати.

Глава 5

Первое, что сразу ощутил Иван, это тепло. Ветер повернул с другой стороны и нес с собой влажный теплый воздух. Обрадовавшиеся окончанию внезапной зимы жители Тихого высыпали на улицу. Сильный ветер гнал по ледяной поверхности между домами оттаявшую воду. Идти по дорожке, на поверхности которой стояла вода, а под ней лед, не представлялось возможным. В настоящий момент она являлась демонстрацией нулевого трения.

Все жители смотрели в сторону южной части горизонта. Небо там потемнело до фиолетово-черного состояния. Часто сверкали молнии. Звук грома еще не долетал, но, судя по направлению ветра, грозовой фронт надвигался на поселок. Порывы ветра поднимали с поверхности воды мелкую взвесь, окатывая влагой дома и людей.

– Что делать будем, Иван? – спросила встревоженная мать.

Сын посмотрел на крышу дома. Порывы ветра перебирали листами шифера, как музыкант – клавишами пианино. Правда, никакого глissандо не выходило. Старое покрытие в разводах лишайника держалось из последних сил, грохотало и гремело, готовое в любой момент сорваться. Оставалось только ждать и надеяться, что ветер ослабнет, когда гроза дойдет до поселка.

– Холодный воздух и теплый встретились, поэтому будет сильный ливень, – произнес подошедший Борис. – Крышу снесет, квартиры зальет.

– Это и без того ясно, – ответила ему мать Ивана. – А нам-то что сейчас делать? Выносить вещи или ждать?

Очередной порыв ветра ударил в лицо теплым влажным воздухом. Иван подошел к градуснику Софьи Марковны. Шкала на нем поднялась до восемнадцати градусов – обычная температура для утра в это время года.

– Давайте на всякий случай перенесем часть продуктов на холодный склад, – предложил Иван. – Если зальет крупы и муку, то мы останемся без еды. Алён, нам пригодятся твои сумки.

Сестра по привычке хотела возмутиться, но только открыла рот.

– Ладно, бери, – произнесла она после небольшой паузы. – Нет, давай я сама отнесу их на склад и освобожу от вещей. У меня там столько всего нужного.

– Идет, – согласился Иван. Он решил, что надо бы попросить и остальных сделать так же. – Народ, мне кажется, надо продукты, которые могут намокнуть и испортиться, перенести на холодный склад. Крыша держится из последних сил. Когда ее сорвет и начнется дождь, мы уже ничего не успеем сделать.

– А как же рыба твоя? – напомнил Борис. – Вернее, наша.

– Потом займемся рыбой. Это стратегический запас, и мы его обязательно спасем. Давайте не будем терять время. – Иван не стал дожидаться реакции на свой призыв – решил, что личный пример подействует на людей заразительнее.

Алёна, пока Иван с матерью набивали его рюкзак пачками с крупами, макаронами и мукой, сходила на склад. Ей это далось непросто. Она несколько раз упала, ее пронесло ветром десять метров по мокрому льду. В итоге она добралась быстрее, чем рассчитывала, но промокла. Выложила содержимое сумок на полки, а сами сумки повесила за спину на лямки, как рюкзаки. Вернуться оказалось тяжелее. Пришлось идти по снегу, вернее по толстому насту, который запросто выдерживал ее вес. Ветер сносил ее назад, Алёна падала и пыталась передвигаться на четвереньках. Обратная дорога отняла у нее все силы.

Она вернулась домой взмокнувшая не только из-за луж, в которых ей пришлось повалиться.

– Слушайте, – девушка упала на стул в изнеможении, – мамка со склада уже не вернется. Там скользко и сильный ветер, и еще у меня такое ощущение, что он стал горячее.

– Это потому, что ты запыхалась, – решила мать.

– Надеюсь. А то у меня уже страх какой-то начал появляться, что природа собирается нас добить. – Алёна скинула с себя куртку.

Мокрая футболка плотно облегла ее тело.

– Ты так вспотела? – удивилась мать.

– Если бы. Ветер тащил меня по воде. – Алёна потрясла мокрыми волосами, чтобы они разделились на локоны, взяла полотенце и принялась их сушить.

Иван набил ее сумки оставшимися продуктами и одеждой. Ковер, трепыхавшийся под порывами ветра как мембрана, резко замер. Свист с улицы прекратился, и стало очень тихо, даже тревожно тихо. Мать переглянулась с детьми.

– Это шанс, чтобы успеть дойти до склада без приключений, – решила она.

– Да, идемте. – Иван схватил две тяжелые сумки с продуктами.

В сумме их вес равнялся весу самого Ивана. Мать и Алёна взяли сумки с одеждой. Выбежали на улицу вместе с соседями. Внезапная тишина и на них подействовала как выстрел стартового пистолета. Все решили, что эта пауза дана, чтобы добраться до склада.

Грозовой фронт приблизился и навис над поселком. Черное небо, пробиваемое молниями, грозно надвигалось. Гром из-за тишины и близости слышался отчетливо. И, что самое удивительное, в воздухе повисла духота. Несмотря на тающий под ногами снег, становилось жарко. Иван оставил сумки на скамейке и посмотрел на градусник.

– Вот это да, тридцать два градуса! Как было позавчера днем. Мам, ты была права, через два дня вернулось лето. – Он удивлялся, что прогноз матери сбывся, несмотря на то что еще вчера это казалось совершенно нереальным.

– А может, и не надо теперь никуда идти? – засомневался Роман. – Смотрите, ветер стих, зачем уходить? Там, на складе, дубак, простынем, заболеем.

Он был прав, а его реплика зародила в душах жителей смятение. Иван тоже заметался. Несмотря на то что он отлично ориентировался в погоде, даже без всяких прогнозов знал: если перед грозой наступило затишье, значит, скоро начнется сильный ветер. Но ситуация сложилась нестандартная. Он сам не знал, чего ждать дальше. Вполне вероятно, что ветер мог и не быть таким сильным и никакой необходимости прятаться на холодном складе нет. За сутки там можно было окоченеть.

Алёна посмотрела на брата, ожидая его решения. Посмотрели и все остальные, привыкнув, что Иван понимал, как поступить лучше. Ответа он не знал, и обычно в такой ситуации выручала интуиция, но люди смущали его, не давая сконцентрироваться на внутреннем голосе. Чтобы хоть как-то определиться с решением, Иван посмотрел на приближающийся грозовой фронт. И только присмотревшись, он вдруг заметил, что стена не монолитна. Внутри темной среды вращались вихри. Они были настолько огромными в диаметре, что не воспринимались как вихри. А их вращалось несколько. Они как будто специально двигались близко друг к другу, чтобы перекрывать один другой. Будь между ними просвет, люди сразу бы их опознали.

– Надо скорее уходить на склад, – заявил он твердо. – Это не просто гроза, это смерчи.

– Да где ты увидел? – не поверил ему Роман и подслепло уставился в сторону горизонта. – Выдумываешь, Иван, всякое.

Алёна, уставившаяся в сторону приближающейся грозы, повернулась к брату бледным лицом.

– Пошли они все, надо скорее прятаться. – Не дожидаясь никого, она направилась к холодному складу.

– Кому жить не надоело, идите за мной. – Борис поддержал Ивана.

В итоге к складу пошли все. Роман плелся в конце и бубнил о том, что затея глупая и нужна только для того, чтобы потешить самолюбие избранных людей. Кого он подразумевал под избранными, было понятно – Ивана. Возможно, еще и Алёну – как городскую выскочку.

Снег исчезал с каждой секундой. Если полчаса назад ветер гнал Алёну по льду, то теперь под ногами был асфальт, покрытый слоем воды. Все жители переместились на склад без проблем. Иван скинул сумки и вышел оценить перспективы успеть перенести рыбу. Борис понял его намерения.

– Я за коляской – корыто погрузить, а ты бери Марселья, Родиона, и переносите копчености и солености, – посоветовал он.

– Спасибо, дядь Борь, – искренне поблагодарил Иван.

– Это тебе спасибо, что есть чего перенести.

Марсель и Родион Сергеевич откликнулись без вопросов. Как только они вышли наружу, поняли, что стало еще теплее и появился ветерок – сырой, как из предбанника, даже дыхание спирало при глубоком вдохе. Теперь уже смерчи, огромные, темные, величественно вращающиеся, стреляющие молниями, были видны во всей красе. Белые облака над ними, похожие на хлопок, скручивало внутрь черного подвижного жерла.

– Это какой-то звездац, – произнес Марсель испуганно. – Мы точно кого-то сильно обидели.

В воздухе появился гул, низкий и монотонный, давящий на уши. Он вызывал вибрацию почвы, передавался стенам и воротам склада. Соприкасающиеся металлические части дребезжали.

К счастью, вихри приближались относительно медленно. Шансы успеть собрать рыбу были велики.

– Давайте быстрее, – поторопил Иван напарников и побежал сам.

У домов разделились: Борис направился к себе, остальные – в цех Ивана.

– Да тут за час не перетаскать! – Марсель раньше никогда не интересовался, сколько рыбы солил и коптил Иван.

– Быстрее управимся. Цепляем на себя, сколько унесем. – Иван поставил стремянку и начал отцеплять веревки с рыбой от потолка. – Через плечо, как бусы у женщин.

– Я чувствую себя папуасом с хорошей добычей, – пошутил Марсель.

– Лучше папуасом с добычей, чем бледнолицым на столе у папуаса, – добавил Родион Сергеевич.

– Иди, хватит уже, а потом возвращайся, – распорядился Иван.

Марсель ушел, держа края веревок с рыбой, чтобы они не цепляли землю. Ветер снова начал крепчать, а низкий гул – усиливаться.

– Не надо ему было возвращаться, – решил Родион. – Смерч уже близко.

Забежал Борис с коляской.

– Там, ребята, пипец, что творится. Это мегаторнадо, смерч тысячелетия, он шириной больше километра, а то и трех. – Его глаза горели. – Надо валить скорее, а то засосет.

Иван нагрузил Родиона Сергеевича и отпустил его. Помог Борису поставить корыто в коляску.

– А ты? – Борис решил, что Иван пойдет вместе с ним.

– А я что, без рыбы уйду? Идите, дядь Борь, и скажите Марселю, чтобы возвращался на склад. Я сам заберу остатки.

– Давай быстрее. Ты просто не представляешь, какой там ужас творится, – заволновался сосед. – Не вздумай героя из себя корчить или жадину – не тот момент.

– Я быстро. – Иван заскочил на стремянку и начал снимать веревки с рыбой, обматывая их вокруг себя.

Полог вдруг вытянуло в окно, сорвало и унесло. По стене забило камешками. Торнадо было совсем близко. Воздух гудел, как трансформаторная будка во время перегрузки. Иван побежал к выходу. Выбежал наружу и обомлел. Над ним до самого неба возвышалась вращающаяся черная воронка смерча. Не такой, какие он видел в новостях – быстрые и тонкие, мечу-

щиеся всасывающим хоботом по поверхности земли. Огромный, спокойный, невозмутимый столб шириной точно больше километра. Он приближался строго по проложенной траектории без всякой суеты, как будто знал, что от него ничего не уйдет. Внутри вращающегося «хобота» непрерывно сверкали молнии, гром от которых сливался в один сплошной звук. А еще от его дуновения исходил жар непонятной природы.

Иван побежал, насколько ему позволял груз. Снаряды, выпускаемые из смерча как из пращи, попадали в него, но рыба срабатывала как бронжилет. Напуганная сестра выбежала его встречать. Она ревела от страха за Ивана.

– Назад! – выкрикнул ей брат.

Он уже чувствовал, как его начинает тянуть обратно, каждый шаг давался все тяжелее. Казалось, что веревки с рыбой со спины тянут в сторону смерча. Иван склонился вперед, чтобы противодействовать силе, увлекающей его. Алёна не послушалась брата, схватила его за руку и потянула за собой. Благо оставались считанные метры до входа на склад. Они заскочили под козырек. Софья Марковна дождалась, когда они зайдут за первые ворота, и закрыла их на щеколду.

– Здесь оставаться тоже опасно, – предупредил Иван.

Он понимал, что сила смерча нереальная. Даже внутри склада не было стопроцентной вероятности пережить его. Они прошли через вторые ворота и снова закрылись. Внутри темного помещения ощущалась вибрация земли.

– Мам, мы здесь, – доложила Алёна.

В ответ раздался всхлип. Алёна принялась успокаивать мать. А за воротами начинался настоящий ад. Гул достиг такой мощности, что все твердые поверхности превратились в мембраны, источающие низкий акустический тембр. В наружные ворота неистово стучало все, что находилось внутри вихря в полете. И первые, и вторые ворота ходили ходуном. Старые ржавые петли издавали невыносимый скрежет и свист.

Людям пришлось зажать уши, чтобы не слышать этот душераздирающий звук. Природа испытывала человека на психологическую устойчивость. Справились не все. Первым завыл Роман, но его голос тонул в шуме. Потом к нему присоединилась Лида, пятидесятилетняя женщина, муж которой сейчас находился на вахте, а дочь с семьей – где-то в Челябинской области. Видимо, от страха, что она одна, и от неизвестности судьбы близких нервы ее сдали. Мать Ивана пошла на ее голос и попыталась успокоить, но женщина была совсем не в себе.

Кошмар длился минут десять. Гул смерча удалился, и показалось, что можно перевести дух, но тут снова все повторилось. Следующий смерч прошелся над головами. Он так же пытался вырвать ворота или закидать их мусором. Нервы начали сдавать почти у всех. Алёна заткнула уши пальцами и плакала. В какой-то момент страх так сильно парализовал ее волю, что психика решила подстраховаться и включила полную апатию. Она сидела с закрытыми глазами, безразличная абсолютно ко всему.

Иван, чтобы занять себя, счищал с промерзшей и высохшей рыбы шкурку с чешуей, рвал на небольшие кусочки и ел, стараясь ни о чем не думать и ни на что не реагировать. Полагался на Бога, не имея собственной возможности повлиять на ситуацию.

Второй смерч ушел. Повисла тяжелая тишина, нарушаемая воем Романа и всхлипываниями некоторых женщин.

– Дядь Борь, ты меня слышишь? – спросил Иван громко: в ушах у него звенело после звуковой атаки.

– Слышу, – ответил Борис совсем рядом.

– Пойдем посмотрим, что там?

– А не боишься?

– Что меня унесет? – спросил Иван.

– Нет. Что там больше ничего нет, – пояснил Борис.

– Начал бояться, но посмотреть все равно надо. – Иван включил фонарь и направился к выходу.

Внутренние ворота открылись без проблем. В тамбуре сделалось жарко, как летом в палатке под полуденным солнцем. Даже для самого жаркого летнего дня это было слишком, учитывая, что стены тамбура всегда оставались холодными.

– Мы что, горим? – Борис тоже удивился температуре в промежуточном помещении.

– Чему гореть?

– Я не знаю, может, газ молнией подожгло, – предположил Борис. – Воняло ведь.

Наружные ворота никак не хотели открываться, как будто их завалило. Пришлось немного раскатать их, чтобы образовалась щель, достаточная для того, чтобы протиснуться взрослому человеку. В лицо ударил горячий воздух. Такой бывал только в бане. Иван с Борисом переглянулись: оба подумали, что версия с пожаром верна и воздух от огня тянет прямо к складу.

За воротами лежала груда мусора. Он настолько гомогенизировался в смерче, что нельзя было определенно сказать, из чего она состоит. Смесь земли, камней, воды, кирпичей, дерева и всего, что всосал в себя и перемолол могучий вихрь.

Иван наступил ногой в горячую массу и провалился по щиколотку. Ощущения были не из приятных. Быстро, не задерживаясь ни на секунду, выскочил на дорогу, вычищенную как под метелку и даже отполированную так, что полученные во время землетрясения трещины забились мусором и выровнялись, как будто их и не существовало. Борис выбежал следом.

– Такое ощущение, будто я по дерьму динозавра прошел, – признался он. Борис замер с открытым ртом: от поселка не осталось ничего – смерч снес его по самые сваи; даже над складом, в котором они прятались, сняло до полуметра породы. – Ну все, закончился Тихий, как и не бывало, – произнес он горестно.

Это было еще не самое страшное. Иван понимал, что подобные вихревые воронки разрушат дома до основания. Он не мог понять, почему так печет. Никакого пожара рядом не наблюдалось и в помине. Снег испарился без следа, кое-где заплатками зеленела трава, не попавшая под насос смерча, даже некоторые деревья уцелели за руслом Пура, но назвать погоду нормальной летней язык не поворачивался.

– Дядь Борь, почему так печет? – спросил Иван.

– Потому что вчера был дикий мороз, компенсация. Природа создает баланс.

– Я понимаю, что она его создает, но откуда в наших краях такие температуры? Мне кажется, что сейчас градусов шестьдесят или даже семьдесят. Обычно в сауне на месторождении я моюсь при семидесяти градусах. Ощущения прямо один в один.

– Без прибора это только предположение. После холодного склада и тридцать градусов могут показаться сотней, – сказал Борис. – Где нам жить-то теперь, Иван? Не на холодном же складе?

– А я вам говорю, что печет ненормально, дядь Борь. Так не должно быть.

Иван посмотрел на север, куда ушел ураган. Темная полоса занимала половину неба, но с такого расстояния различить отдельные вихревые смерчи уже не получалось. Южный горизонт был чист, но подвижен: из-за активности горячих воздушных масс он казался зыбким. Для южных территорий страны марево в летнее время не являлось диковинкой, но не здесь. Картинка напоминала съемки природы африканских стран. Не хватало только блуждающих в знойном мареве стад антилоп.

И еще была особенность, которую Иван посчитал странной. День выдался ясным, но света явно не хватало. Солнечный диск сделался оранжевым, как перед самым закатом, отчего казалось, что наступили сумерки. И это противоречило накрывшей местность жаре. Борис расстегнул все пуговицы на рубашке.

– А может, ты и прав и жарит сильнее обычного, – нехотя признал он.

На свет божий выбрались Алёна и Марсель. Увиденное погрузило их на некоторое время в транс, в режим осознания.

– А где нам жить теперь? – первым вышел из ступора Марсель.

– Иван говорит, что, кроме склада, у нас другого жилья не осталось, – ответил ему Борис. – Здравствуйте, ревматизм, простуды и туберкулез.

– Дядь Борь, вы дядь Рому не копируйте. Хватит нам одного ипохондрика в коллективе. Дня три поживете на складе, пока я в Уренгой снастаюсь. Если что, переедем туда. Вещей у нас немного осталось, налегке за пару дней перебазиреуся.

– Ты прав, Вануйто, ничего другого нам не остается. Хорошо, я паспорт с собой взяла. Так хоть уехать куда-нибудь смогу, – произнесла Алёна.

В настоящий момент она переживала состояние когнитивного диссонанса. Попад в беду, она была рада, что находится с родными, помогающими перенести тяжелый период, и одновременно злилась на поселок, на его убогость и постигшую за это трагедию. Алёна пребывала в полной уверенности, что так сильно пострадал только он, и это плата людям, которые здесь жили, за их глупую упертость и трусость. Ей хотелось скорее уехать отсюда в удобный, понятный Екатеринбург и оттуда сочувствовать судьбе жителей Тихого.

– Предположение есть, почему так жарко? – спросил Иван.

– А я не сразу понял, что жарко. Думал, после склада кажется, – ответил Марсель.

– Я тоже так сразу подумал, но чем дольше стою на свежем, так сказать, воздухе, тем сильнее чувствую, что терпение уже заканчивается. – Борис снял с себя рубашку и вытер пот с лица и шеи. – Ребята, творится какая-то херня.

– Смотрите! – Алёна указала рукой в южную сторону неба.

Остатки белых кучевых облаков таяли, словно их поглощала надвигающаяся с юга невидимая сила. Они исчезали по всему фронту, как по линейке. Выглядело явление очень завораживающе и пугающе.

– Что-то приближается, – произнес Иван.

– Песец, – тихо произнес Марсель.

– Полный, – добавил Борис.

– Нет, я про того песка, – Марсель кивнул в сторону.

В тридцати шагах от них неуверенно и пугливо рыскал темно-бурый зверек с выводком – больше десяти щенков, прячущихся за матерью. Самка словно искала защиты у людей, поняв, что это ее последний шанс спастись, но природная осторожность не позволяла ей полностью довериться им.

– Она точно знает, что сейчас что-то произойдет, – заявил Иван. – Нам надо возвращаться на склад.

– А с ней что делать? – Алёна подумала, что брат решил не помогать ей. – У нее же детки.

– Вас много, вы ее пугаете. Идите на склад, – строго приказал Иван.

– А у тебя лицо, вызывающее доверие у песцов? – пошутил Борис.

– Я ее знаю. Она у меня рыбу таскает. И она меня знает, так что довериться сможет только мне. Я у нее ассоциируюсь с запасным вариантом на все случаи жизни, – пояснил Иван.

– Ты везде успеваешь – и у людей в авторитете, и у песцов, – заметила Алёна.

Иван посмотрел в небо. Облака таяли совсем близко. Горизонт поплыл, искаженный горячим воздухом до предела. Песец затаивал, почувствовав приближение беды. Мужчины и Алёна ушли под козырек склада, но остались понаблюдать, как Иван справится с диким животным.

Песец, когда знакомый человек остался один, успокоился и подошел ближе. Мамаша часто дышала, высунув язык.

– Так, моя дорогая, не пугайся. Я же никогда тебя не обижал, так что бояться меня не надо. – Иван приблизился к ней.

Песец заволновался, повинаясь инстинктам. Щенки затаивались и попытались спрятаться за матерью. Иван встал на колени, чтобы казаться меньше. Открытую кожу под задремавшей майкой резануло горячим воздухом. Это был первый предвестник, первый порыв пекла, съедающего облака. Иван испуганно посмотрел в сторону, откуда шел горячий воздух. На его глазах участок ельника, переживший смерч, начал темнеть.

– Дорогуша, у нас нет времени. – Иван подполз к песцу и схватил двух щенков на руки. Мамаша попыталась его тяпнуть, но он увернулся от ее зубов. – Иди за мной.

Он подождал, когда самка поймет, чего от нее хотят. Животное, ощущавшее, что пекло становится все невыносимее, обуздало дикий нрав, материнский инстинкт переборол все остальные, и она покорно пошла за человеком.

– Уходите внутрь, – приказал Иван сестре и остальным.

Они поспешно покинули тамбур. Уже перед самым входом Иван почувствовал, как от головы пахло палеными волосами, как загорелись кончики ушей и крылья носа от вдыхания раскаленного воздуха. Они спустились под козырек. Иван протиснулся в тамбур и спустил щенков с рук. Их мамаша повременила, борясь со страхом закрытых помещений. Но раздавшийся снаружи треск – видимо, лопнул камень, не выдержавший перепадов температур, – заставил ее поспешить. Она заскочила внутрь, и все ее щенки следом. Иван насчитал двенадцать детенышей.

– Плодовитая ты. – Он закрыл передние ворота.

В тамбуре после улицы казалось прохладно. Иван включил фонарь и поставил его на попа, чтобы в помещении было светло. Песец вжался в угол, как будто пытался охладиться от промерзших стен.

– Я сейчас вам воды принесу, – пообещал Иван.

Он зашел на склад.

– Ну, получилось? – спросила Алёна.

– Да, они в тамбуре. Кто-нибудь догадался взять воды?

К счастью, даже в спешке люди не забыли о самых насущных вещах. Вода и тазик нашлись сразу. Иван экономно налил в него воды и вынес животным. Мамаша сразу приняла подношение. Она и щенки встали в круг и жадно лакали воду.

– Не буду вас смущать. – Иван забрал фонарь и вернулся на склад.

– И как там погода? – спросила мать. – Алёна сказала, что стало очень жарко.

– Очень жарко – это не то определение. Там пекло гораздо выше ста градусов. Ельник потемнел за секунды.

– Откуда такая жара? – спросила Софья Марковна. – На всей планете такого не случалось, даже в Сахаре, откуда у нас-то?

– Не знаю. – Иван пожал плечами. – С недавних пор я вообще не могу сказать, что разбираюсь в природе.

– А тут мы в безопасности? – испуганно поинтересовалась Руфина.

– Смотря сколько времени будет печь, – ответил Борис. – Если земля начнет оттаивать, то, во-первых, у нас тут обвалившийся угол и нас может затянуть жижей, а во-вторых, стены прогреются и тут тоже станет несладко. Хотя я уверен, что месяц до этого события у нас точно имеется.

– Да, варенья из морошки и клюквы в этом году накрутить не получится, – протяжно произнесла Софья Марковна.

– Какое варенье, Софа, у тебя дома больше нет, – напомнил ей Роман, только недавно отошедший от ступора. – Варенье ей. Тут вообще непонятно, что есть будем. Как бы не друг друга.

– Да заткнись ты, Рома, – строго приказала ему мать Ивана.

– А что делать, народ? Ложиться и помирать. Так хоть кто-то спасется.

– Дядь Рома прав, будем есть друг друга. Начнем с самых бесполезных, кто уже на последнем издыхании, потом съедим тех, кто поздоровее, и так далее, – на полном серьезе произнес Иван.

– Вануйто, ты что, кукухой тронулся? – тихо прошептала Алёна.

– Я же вам сказал: как только погода устаканится, я схожу в Уренгой на разведку. Не будем мы есть друг друга, а кто будет сеять панику, того будем лишать продуктовой пайки. Я это говорю на полном серьезе, дядь Ром. Если вы не можете сдерживать в себе горячечный бред, будем воспитывать вас через желудок, – твердо заявил Иван. – Сейчас нам надо быть как можно сплоченнее, иначе начнутся проблемы.

– Ваня прав, нельзя пугать друг друга, переругаемся, разосремся, начнем продукты крысить. А как жить, если у нас ничего, кроме этой дыры, нет? – поддержал его Борис. – Ты, Рома, просто молчи, иначе с песцами в тамбуре будешь жить.

Замолчал не только Роман, но и все остальные. На складе сделалось тихо, так, что стали слышны звуки с улицы – там регулярно что-то трескалось, шипело, скрипело. Жара испытывала мир на прочность, а он пытался сопротивляться, издавая пугающие звуки.

В дверь заскреблись когтями, да еще и с подвыванием.

– Фу, черт, чуть под себя не сходила, – произнесла Валентина.

– Им там снова жарко, похоже, – решила Алёна и подошла к двери.

– Вы что, хотите дикое животное к нам запустить? – испугался Роман.

– Если бы не щенки, она бы сроду не стала искать защиты у людей. Переступила через все свои правила и инстинкты, чтобы их спасти. Она ничего нам не сделает. – Алёна открыла дверь. – Заходи, дорогая.

Песец неуверенно заглянул в дверной проем, увидел скопление людей и замер в нерешительности. На склад потянуло зноем.

– Вануйто, ты ее крестный отец, подай голос, – попросила Алёна.

– Дорогуша, заходи, не бойся. У нас тут ковчег, места есть для всех, – пригласил зверька Иван.

Мамаша зашла внутрь, виляя хвостом, и встала в дальнем углу. Щенки один за другим забежали и замерли рядом с матерью. В отличие от нее, испуганно-нерешительной, они рассматривали людей с любопытством.

– Я заберу тазик и проверю, как там обстановка. – Алёна выскочила в дверь, не дожидаясь ответа.

– Не открывай наружную дверь! – крикнул вслед Иван.

Его громкий возглас напугал песца. Зверек дернулся, решив, что прикрикнули на него.

– Не-не, дорогуша, это я не тебе. – Иван подошел и присел рядом с животным. – Вот, народ, лишний повод не повышать голос. Разговариваем тихо, с добродушной интонацией.

– Какие мы блаженные, – добавил Роман.

На него сразу цыкнули.

Песец постепенно успокоился и лег в дальнем уголке, но взгляд с людей не спускал. Щенки разлеглись вокруг и не проявляли признаков беспокойства, положившись на защиту матери.

– Чего там Алёна застряла? – беспокойно поинтересовалась Валентина.

Дочь как будто ее услышала: открыла дверь и, увидев в слабом свете свечи развалившихся под ногами щенков, осторожно переступила через них. Животные после перенесенной жары чувствовали себя на холодном полу в полном комфорте и спали очень крепко.

Алёна оставила рядом с ними тазик и прошла к брату с матерью.

– Потрогайте мою голову. – Девушка склонила ее в сторону мамы.

Та дотронулась.

– Ого, горячая. Там так жарко?

– Да. Наружная дверь такая раскаленная, что обжигает руку. Я хотела выглянуть, но побоялась. Там так трещит и стреляет, что страшно представить, какая жара может это сделать.

– Природе конец. Кто не замерз, тот изжарится, – заявил Борис. – А я надеялся в ямах мороженую рыбу пособирать.

– Все мы на что-то надеялись, а получилось... – Руфина не договорила, как получилось, но все и так поняли.

У каждого жителя имелись на ближайшее будущее собственные планы: кто думал съездить на Большую землю перед зимой, кто насобирать даров северной земли, кому пора было ехать на вахту. Но природа их перечеркнула, нисколько не заботясь о людях и давая понять, от кого в большей степени зависит исполнение планов. Кто настоящий хозяин планеты, а кто самозванец.

Глава 6

Щенки освоились раньше матери. Преодолев природную осторожность, они взялись проявлять интерес к людям как умели. Ласк они не понимали, злились и пытались укунить за руку. Детеныши песка играючи нападали на ноги людей, пытались рычать, подражая взрослым. Иногда они в запале могли передрались между собой. Мамаша не решалась подходить к людям и уже тем более не давалась погладить. Иван знал повадки диких животных и даже не пытался установить с ней более тесный контакт. Но вот Алёна, испорченная цивилизацией, чуть не лишилась пальцев, хотя брат ее предупреждал.

– Почему она такая злая? – Испуганная сестра вернулась на свое место. – Мы ее кормим, пора бы уже понять, что ей ничего не грозит.

– Это ты думаешь как человек, а она думает как песец. Мир животных – это непрерывная война. Чуть расслабился – или съели, или пустили на шкурки. Кто не умеет жить в постоянном напряжении, тот долго не живет. Поэтому наша Изольда всегда наготове дать отпор.

Мамашу решили назвать Изольдой. Имя показалось людям, прячущимся под землей, достаточно благородным и изысканным для пушного зверя.

– Я думала, что животные живут в гармонии, – призналась Алёна. – Что только мы, люди, не можем ее найти, потому что слишком разумные и вечно мечемся в поисках ответов, а животные живут так, как было изначально задумано, в полном согласии с миром.

– Ты права, они живут в гармонии, только она вот такая сложная, про ежедневное выживание. Мы, люди, хоть и те еще гады, все же умеем жить в мире. Нам не надо каждый день бояться, что дядя Борис убьет Софью Марковну или дядя Роман нападет на Марселя и отошьет у него Руфину.

– Я? – удивился Роман. – Если я на кого и нападу, то только попросить, чтобы мне измерили давление.

– Почему собаки и кошки, живущие в питомнике, мечтают вырваться оттуда и оказаться в обычной человеческой семье? Казалось бы, животным одного вида должно быть комфортнее друг с другом, но нет, им хочется жить с человеком, а не с себе подобными. Внутри своего вида они настроены конкурировать за все и всегда: за корм, за внимание, за главенство. Это постоянное напряжение, не расслабиться, не поспать. Я часто думал об этом, и мне в голову пришло забавное сравнение, что животным хорошо с человеком, как человеку было бы хорошо с тем, кто находится над нами. – Иван показал пальцем вверх. – С Богом или духами, смотря чьим представлениям больше верить.

– Но он нам не показывается, чтобы не палить контору, – засмеялся Роман. – И не хочет, чтобы у него в доме жили какие-то люди.

– А если мы для него такие же дикие, как этот песец, зачем он нас потащит к себе? Докажи готовность жить с ним, тогда видно будет, – поддержала Валентина идею сына.

Он уже не раз рассказывал о ней матери. Раньше та относилась к его мыслям скептически, но сегодня ей показалось, что сын прав.

– А сейчас-то что происходит? Бог избавляется от дикой формы человека? – ироничным тоном поинтересовался Роман.

– Не знаю. Нам же неисповедимы пути Господни. Как вы думаете, мыши понимают, за что их травят люди? – поинтересовался Иван.

– Ну, что-то понимают, конечно, по крайней мере, чувствуют, что в человеческих закромах им не рады, – предположил Марсель. – Но мне кажется, что разница между человеком и Богом намного серьезнее, чем между мышью и человеком.

– Наверное. – Иван пожал плечами.

– Так, народ, вы, конечно, простите меня, что прерываю высокоумные беседы, но пора и о земном. Пойду коня выгуляю, заодно разведу обстановку. – Борис поднялся на ноги, скрипнув суставами.

– Смотри, коня не подпали, – поддел его Роман. – Сразу-то из-под попоны не доставай. Народ с готовностью рассмеялся.

– Ученый уже. Однажды пожар тушил таким способом. В той местности, где я жил, меня так и прозвали – Брандспойт. Но мало кто выговаривал, поэтому кличка не прижилась.

Борис подошел к двери. Изольда оскалилась. Щенки, пригревшиеся у матери, зашевелились, заурчали, но проснуться не смогли.

– Да не трону я тебя, дура. – Борис прошел мимо, не обращая на нее внимания.

Изольда посмотрела ему вслед, потом легла мордой на лапы и закрыла глаза.

– Догадалась ведь искать помощи у людей. Видно, что не доверяет, но понимает, что другого способа нет, – заметила Алёна. – Это ведь проявление логики, а не инстинктов.

– Одна на тысячу, которая догадалась так поступить. Если мир окончательно не погибнет, то от ее щенков и пойдет умный вид песцов, – предположил Иван.

– Только не пугай нас, пожалуйста, мрачными прогнозами. У меня и так душа не на месте: за мужа переживаю, за детей, – призналась Лида. – Надо же, осталась одна в такую беду.

– Не одна, с нами, – попыталась Валентина успокоить ее.

– Вы – это вы, а семья – это семья. – Лида не собиралась принимать факт одиночества за норму, надеялась, что с мужем все в порядке и он найдет способ вернуться домой, когда все закончится.

Борис заскочил на склад, снова напугав дикое животное. Изольда зарычала, но, увидев, что к ней нет никакого интереса, успокоилась.

– О-го-го, народ, вот это жара, хоть париться иди. Сотка точно есть. В двери дымом тянет, наверное, леса горят. А еще мне показалось, что там начинается гроза: что-то гремело, и ветер усилился.

– Это хорошо, если гроза. Пожар зальет и температуру понизит, – предположил Марсель.

– Я тоже подумал об этом. – Борис сел на свое место. – Контраст температуры между тем и этим помещением разительный. Я сейчас даже не уверен, что вечная мерзлота на самом деле сможет удержаться столько, сколько я предполагал. Стены в тамбуре уже высохли и горячие. Надо за обвалившимся углом внимательно следить, а то прорвется жига внутрь, не выберемся.

– Пара дней у нас точно есть, – предположил Марсель. – Меня сейчас больше беспокоит, как мы будем спать. На полу холодно, сидя уже задница и спина болят.

– Когда спать захочешь, уснешь в любой позе, – отмахнулся Борис от его переживаний. – Скажи, Иван?

– Да, если не спать сутки или больше, потом уснешь хоть стоя, – согласился он. – Нам бы тут не простыть.

– Давайте откроем дверь, чтобы стало теплее, – предложила Софья Марковна. – Честно говоря, у меня уже ноги замерзли.

Иван подумал, что тепло впускать все равно придется. Невозможно постоянно находиться в помещении с околонулевой температурой. Когда накануне приморозило, люди положили с собой зимние вещи. Сейчас это спасало. Но неподвижное сидение на одном месте рано или поздно привело бы к тому, что они начали бы мерзнуть, особенно после сна.

– Как думаешь, дядь Борь, можно открыть дверь на время? – спросил Иван у соседа, доверяя ему в технических вопросах.

– Ну, все зависит от того, как долго мы тут собираемся находиться. Если неделю, то можно, если месяц, то чревато. Грунт поплывет, и мы останемся совсем без убежища, – привел свои соображения Борис.

– Давайте откроем сейчас на одну минуту – посмотрим, хватит этого, чтобы воздух смешался, или нет. Заодно узнаем, как долго сохраняется тепло. Кто за? – Марсель поднял руку.

– А чего голосовать? Никто не знает, к чему это приведет, поэтому мы просто гадаем. – Борис приподнялся. – Засекайте время, у кого есть часы, я открою дверь.

Иван подтянул рукав, чтобы обнажить наручные часы. Поднес их к свече. Борис открыл обе створки ворот. Горячий воздух устремился внутрь склада, а холодный – наружу. Свеча затрепетала и потухла. Волна раскаленного воздуха накрыла людей. Они ждали его, но все равно удивились и испугались, что он настолько горячий.

– Закрывай уже, – глухим голосом, через одежду, которой прикрывал лицо, попросил Роман.

Борис закрыл, не дожидаясь, когда истечет минута. Внутри склада начало шелкать от резкого перепада температур. Ржавчина на старых креплениях отошла от металла из-за неравномерного расширения. Треснувший во время землетрясения бетон потрескался еще сильнее. Стены покрылись влагой. Запахло сырой землей.

– Складу такие проветривания не на пользу. – Борис присел на корточки около входа. – Стены могут рассыпаться.

Изольда приподняла морду и не сводила с него глаз.

– Ну, что смотришь, красавица? Я тебе не враг. Хотя шапка песцовая у меня была когда-то. Но это было до знакомства с тобой, значит, не считается. – Борис усмехнулся.

Песец не оценил шутку и начал скалиться. Щенки подняли мордашки и попытались подражать матери. На время склад наполнился их смешным тьявканьем.

– Чем более дикие, тем хуже из них квартиросъемщики, – заметил Роман. – Обязательно укусят руку, которая их кормит.

– А не надо провоцировать. – Борис перешел на свое прежнее место. – Кто умнее, тот и должен уступить.

Температура на складе за минуту опустилась до комфортного значения и продержалась не более четверти часа. Затем влага на стенах начала замерзать, образуя узоры, копирующие трещины. У Алёны проявились первые признаки утомления от бесполезного времяпрепровождения: она принялась ерзать, как будто не могла найти себе приемлемую позу, потом начала шепотом ругаться на ситуацию, на себя, на весь остальной мир.

– Тебе, может, поспать? – предложила ей мать.

– Я не хочу спать, – резко ответила дочь. – Мне уже невыносимо тут сидеть.

– Алён, потерпи, – попросил Иван. – Хочешь поесть?

– Отстань, а, заботник. Это у вас любые проблемы перекусом решаются, со мной этот номер не проходит.

– А какие у тебя проблемы? – спросил Борис. – Сиди и сиди, смотри в одну точку. Хочешь, с Изольдой пообщайся.

– Это вы привыкли в одну точку смотреть. Чем тут, в вашем Тихом, еще заниматься, а у меня занятия поразнообразнее были. – Алёна натянула на глаза шапку и уперлась лицом в ладони.

– У тебя, случайно, не ПМС? – спросила мать, родительски похлопав дочь по плечу.

– Мам, отстань. – Алёна дернула плечом.

– Я смотрел передачу про подготовку космонавтов, – поделился Борис. – Там сказали, что проблема психологической совместимости в закрытом пространстве для дальних путешествий – одна из самых сложных задач. А у нас как раз такое пространство, и конфликт поколений налицо.

– Дядь Борь, не провоцируй, – попросил Иван. – Сестру сейчас лучше не трогать.

– Понял, Изольду и сестру лучше не трогать, – согласился Борис.

В щели ворот потянуло сквозняком. Они заиграли на месте, стучаясь друг о друга и скрипя петлями. Снаружи снова происходили какие-то процессы. Песцы заволновались. Изольда поднялась, отошла от гроыхающих ворот и улеглась посередине склада, проверяя взглядом реакцию людей на такое самовольство. Напуганные щенки облепили ее со всех сторон.

– Снова смерч? – предположила Руфина.

– Или сильный ветер, – добавил Иван. – Так бывает, когда теплый и холодный воздух рядом. Перетягивают друг друга, как два борца. Еще и дождь могут спровоцировать сильный.

– Нам еще ливня не хватало. – Мать вздохнула и посмотрела на Алёну. – Дочь, может, водички?

– Давай, – согласилась она.

Очередной порыв ветра дернул ворота несколько раз туда и обратно. Казалось, щеколда не выдержит и выскочит из пазов. Грохот создавал сильный психологический дискомфорт. Убежище уже не казалось надежным. Снаружи гудело, свистело, передавая мощь стихии стенам и полам мелкими вибрациями. Воображение рисовало, как смерч снимает остатки породы с крыши убежища и поднимает в воздух плиты перекрытия, засасывая в себя людей.

Дикое представление длилось полчаса, то нарастая по силе, то затухая. Для людей это время субъективно длилось долгие часы. К концу появилась полная уверенность, что ворота доживают последние мгновения и еще немного усилий – и их вырвет. Ветер закончился внезапно, в одно мгновение. Появилось ощущение глухоты.

– Я посмотрю. – Голос Ивана прозвучал неестественно громко.

– Осторожнее, – попросила мать. – Вдруг следом идет еще один смерч.

– Само собой, – пообещал ей сын.

– Я с тобой! – Алёна больше не могла сидеть в закрытом помещении.

Иван приоткрыл внутренние ворота. В лицо ударил жар, но уже не такой сильный, как в прошлое проветривание, и очень влажный. Он прислушался. На улице шумел дождь.

– Теперь будет потоп? – мрачно предположила Алёна.

– Наверное. – Иван подошел к внешней двери и дотронулся до металла – он был горячим, но терпимо. – Температура упала, – сообщил он сестре.

– Мне теперь смешно от дикторов прогноза погоды, рассказывающих о температурных качелях. Амплитуда дневных и ночных температур составила двадцать градусов. Это, божечки, какой ужас, прямо аномалия, от которой все метеозависимые скоро сдохнут. А у нас тут амплитуда в двести градусов, аж стены трескаются, и ветер, сдувающий дома. – Алёна приложила пятерню к металлу ворот и резко отдернула. – А, горячие еще!

– Не больше семидесяти градусов или меньше. У нас на работе в сауне железный крючок на дверях, после семидесяти его уже голой рукой не ухватишь. – Иван приоткрыл дверь.

В тамбур дохнуло густым паром. Он был горячим, с неприятным запахом. Иван натянул вязаную шапку на лицо.

– Ты не выходи, страхуй меня здесь, – попросил он сестру.

– Ты только без геройства.

Иван сделал шаг за ворота и сразу наступил в горячую жижу. Выдернул ногу из нее, скинул ботинок и задрал штанину, чтобы не сжечь кожу.

– Вот засада. – Он потер ладонью по голени. – Нам пока не выйти отсюда. Грязь слишком разогрелась, придется подождать с удовлетворением любопытства.

– А вода сюда не затечет? Мне кажется, что дождь тоже горячий, – забеспокоилась Алёна, глядя через клубящийся пар на спуск к складу.

– Не должно. Инженеры предусмотрели этот момент, и вход находится на возвышении. Если только смерч не переделал все по-своему.

– А вдруг нас начнет топить, тогда придется выбираться по горячей грязи, иначе сваримся. – Алёна захлопнула дверь. – Блин, Вануйто, тебе не кажется странным, что за последние три дня природа пыталась нас убить четырежды? Первый раз землетрясением, второй – морозом, третий – смерчем и четвертый – кипятком. Все четыре всадника апокалипсиса проверили на нас свое оружие. Надеюсь, пятого всадника не будет, иначе не по канонам.

– Астероида еще не было, – мрачно пошутил Иван.

– А может, и был, и с него все началось. – Алёна открыла внутренние ворота. – Народ, есть две новости: хорошая и плохая, – сообщила она застывшим в ожидании известий людям. – Хорошая: снаружи стало немного прохладнее и идет дождь. Плохая: выйти отсюда не получится, потому что на входе разлилось болото горячей жижи. Иван не даст соврать.

– Да, ветер нагнал горячую густую грязь под самые ворота. Я неосмотрительно наступил и чуть не сжег ногу. – Иван провел ладонью по стене, собирая намерзший иней, приложил его к голени, дождался, когда он растает, и растер по ноге. Холод ослабил жжение.

– Мы пока и не спешим, – ответил Борис. – Идти все равно некуда. Мы теперь привязаны к этому складу. Погреться и в тамбуре можно, и вернуться обратно, пока там остывает.

– Не терпится дождаться, когда наступит более-менее сносная погода, чтобы отправиться в Уренгой. Очень хочется узнать масштабы катастрофы и понять, чего нам ждать в ближайшем будущем, – пояснил Иван свое желание скорее покинуть склад.

– Ой, не знаю, Иван. Если тут горячая жижа собралась, то она и снаружи должна быть. Как ты пойдешь, если в каждой луже можно свариться? Еды у нас полно, спешить не надо. Спокойно сидим и ждем наступления благоприятных времен.

– Я бы сейчас за новости многое отдала, – призналась Лида. – От неизвестности нервы становятся ни к черту.

– Как только погода станет подходящей, я сразу отправлюсь в Уренгой. Нам надо как можно раньше сообщить о себе. А если и там произошла такая же катастрофа, то хотя бы знать об этом и уже принимать решения с учетом новых обстоятельств. – Иван был готов отправиться хоть сейчас.

Внутри него росло чувство, что, сидя в убежище, они теряют время. Он был почти уверен в том, что Уренгой пострадал не так сильно, как Тихий. Там осталась связь с Большой землей, через которую можно выяснить о предпринимаемых мерах по спасению людей. Чем дольше они не заявляли о себе, тем выше была вероятность, что их просто вычеркнули из списка нуждающихся в помощи. Про Тихий проще забыть, чем наладить спасательную миссию.

– Поселят нас в палатке на отшибе и будем в ней жить пару лет, пока не подберут какое-нибудь жилье, – мрачно предположил Роман. – Все, что нажито, пропало. А без документов и пенсию платить не станут.

– Не ной, Роман. Сейчас все в компьютеры занесено. Главное, чтобы твоя морда с протокольной билась. Все тебе будут платить, и всем нам тоже, – успокоил его Борис. – Не об этом надо думать.

– А о чем? – спросил Родион Сергеевич, молчавший до этого, словно его и не было.

– Во-первых, надо думать о Боге. Поблагодарить его, что уберег. Во-вторых, обеспечить безопасность проживания в единственном пригодном для жизни помещении на сотни километров в округе. Пока еще причин для беспокойства нет, но бдеть надо. Вон угол отсырел, вдруг над ним уже грязь собралась и, как только порода подтает, сюда хлынет поток горячей жижи или стены не выдержат и рухнут внутрь? Всякое может произойти, надо только не щелкать клювом. Мы тут хорошо сидим, вон песцов разводим заодно, но это иллюзия, потому что природа никогда не отдыхает. – Борис взял с полки свечу и подошел к обрушившемуся углу, потрогал его рукой, надавил, проверяя плотность грунта.

– Что скажешь? – поинтересовалась Софья Марковна.

– Да как будто причин для паники нет. Но три дня назад у нас тоже все было безоблачно, и мы строили планы на будущее. Поэтому за углом надо следить, хотя бы раз в час проверять его состояние. – Он оставил свечу рядом с осыпью, чтобы всегда видеть опасный участок.

Щенки Изольды проснулись и принялись играть друг с другом. Так разбесились, что стали прятаться за ногами людей. Мамаша внимательно следила за ними, не доверяя людям. Ее не провоцировали, сидели ровно, чтобы животное не приняло движения за агрессию. Так было, пока Роман не поймал одного щенка за шкуру. Тот завизжал испуганно. Изольда рванула вперед и цапнула старика за голенище сапога. Произошло все это молниеносно, так что никто не успел отреагировать.

Напуганный Роман швырнул щенка на пол, от удара тот взялся визжать еще сильнее. Взрослый песец оскалится и не знал, как поступить: броситься к детенышу или разобраться с человеком. Красноречивый взгляд Изольды говорил о том, что она уже жалеет о принятом решении спастись вместе с людьми в одном помещении.

– Замерли все, – приказал Иван строго.

– Ну ты, Роман, debil, – не сдержался Борис. – У меня самого нестерпимое желание откусить тебе ухо.

– Да при чем здесь я? Это дикое животное, и ему здесь не место. Гнать его отсюда, пока остальных не покусал. А вдруг он бешеный? – Роман говорил негромко, чтобы не провоцировать зверя, не сводящего с него агрессивного взгляда.

– На хрена ты взял щенка в руки? – спросил Борис.

– Посмотреть хотел на ее реакцию.

– Посмотрел? Интересно, ты чего ждал – что она попросит тебя человеческим голосом вернуть ребенка? – Борис негодовал. – Мы с тобой всю жизнь рядом прожили, но я не догадывался, что ты настолько недалекий.

– Хватит меня обсуждать. – Роман набычился. – Я сказал, дикому животному не место рядом с людьми. Чего от него ждать, непонятно.

– Да что ты говоришь? А ты представь, что этот песец и его щенки – единственные, кто выжил на сотни километров в округе, а может, и на тысячи. А мы ему пинка под зад, потому что некоторые цари природы без царя в голове. Это ты, Роман, уже не представляешь интереса для размножения человеческой популяции, и я тоже, а вот эта красавица еще представляет. Поэтому она намного важнее тебя и меня, и мы ее оставим, будем кормить и лелеять, пока она сама не пожелает уйти.

– Дядь Боря прав, – поддержал его Иван. – Знали бы, еще и семян с собой набрали.

– А зачем? – спросила Руфина.

– Я думаю, что вся растительность погибла от мороза и жары и все семена в почве сожгло пекло, – предположил Иван.

– Не, такого быть не может, – произнесла Софья Марковна. – Семена должны остаться, у нас же вечная мерзлота.

– Шансы есть, но они невелики, – после раздумий произнес Борис. – В каких-нибудь складках местности, куда их занесло талой водой, ветрами, а потом приморозило. Если дождь горячий льет, то он пропитает землю глубоко, и шансы сильно уменьшатся.

– Ладно, чего гадать, как выберемся, так и начнем обсуждать это уже предметно, – решил Марсель. – Может, Вануйто вернется из Уренгоя и скажет, что там ничего не произошло и делать нам ничего не надо.

– Насчет ничего – вряд ли. Такие температуры не могли возникнуть на ограниченной территории. Возможностей таких у природы нет. – Борис откинулся спиной к бетонной стене и прикрыл глаза. – Жара двигалась с юга, от Уренгоя. Скорее всего, там припекло сильнее нашего. Чем севернее, тем сопротивление холодного воздуха было сильнее. Где-нибудь в Тазовском или Самбурге сейчас прохладнее, чем у нас.

– Борис, это только твои предположения. – Лида не хотела слышать о том, что катастрофа являлась глобальной. – Давайте не будем пугать себя раньше времени.

– Давайте, – согласился Борис. – Картишки никто не прихватил?

– Сейчас. – Валентина полезла в свои сумки. – Вот, колода старая, но других карт у меня нет.

– Отлично, давайте сыграем в дурака, – обрадовался Борис. – Кто желает перекинуться? Иван?

– О нет, вообще не люблю карты. У меня тогда время вообще останавливается, – отмахнулся Иван от предложения. – Ничего скучнее, чем игра в карты, не существует.

– Да? А я думал, ты азартный парень, – удивился Борис.

– Азартный – это тот, кто не может остановиться, а я могу. Меня больше охота привлекает, рыбалка и честно заработанные деньги.

– Ответ понятен, – усмехнулся Борис. – Ну, кто тут у нас без тормозов, прошу в круг. Чтобы подпитать интерес, предлагаю играть на домашние заготовки.

– У меня из домашних заготовок только стишок для Деда Мороза, – пошутила Алёна.

– Годится. С удовольствием послушаем. – Борис поставил в стороне от Изольды и ее щенков деревянный паллет, накрыл его куском брезентовой ткани и установил по центру свечу. – Добро пожаловать к игровому столу.

Алёна и еще несколько человек присели вокруг импровизированного игрового стола. Ивану было скучно наблюдать за ними. Он решил еще раз проверить погоду снаружи. Обошел Изольду стороной. Она внимательно следила за ним, но совершенно беззлобно, скалиться даже не пыталась. Иван оторвал ей соленую рыбешку и протянул. Изольда схватила ее зубами и отпрянула, обнюхала и принялась грызть.

Когда он уже вышел за ворота, до слуха донеслось замечание Софьи Марковны:

– Валь, твой Ванька со всеми язык находит, кроме женщин.

– А ты-то чего из-за этого так переживаешь? – огрызнулась мать.

Иван прикрыл дверь плотнее. Он и сам уже начал переживать, что годы идут, а семьи нет. Почему-то ему сразу вспомнилась официантка Полина из кафе в Уренгое. Он даже расстроился, представив ее погибшей.

В тамбуре было все так же душно. Под внешние ворота затекла вода и собралась в лужу. Иван опустил перед ней, обмакнул в горячую воду палец и понюхал его. Запах напоминал кавказскую минералку с большим количеством сульфидов. Попробовал на язык. Вкус воды оказался неприятным, немного мыльным и даже едким.

Подошел к внешним воротам и прислушался. Где-то далеко гремел гром, но у самого склада было тихо. Иван приоткрыл створку. Металл ворот стал еще прохладнее. В щель потянуло горячим воздухом, но пара внутри не образовалась. Наружная и внутренняя температуры почти сравнялись.

День клонился к ночи. На улице начало темнеть. Иван открыл ворота сильнее. Часть жижи затекла внутрь, из-за чего под основанием стены, на которой держался козырек склада, появилась тропинка, удобная для выхода наружу. Иван решил рискнуть: распахнул ворота и поднялся наверх по узкой тропке открытой земли.

После промерзшего склада наружный воздух казался очень горячим. Он был еще и влажным, усиливая эффект высокой температуры. Иван осмотрелся. Он стоял на асфальтированной дорожке, ведущей от поселка к складу. Смола из нее выварилась, и теперь она больше походила на тропинку из черного гравия. Прошедший по ней смерч прилизал ее и даже выел местами до основания, обнажив крупный щебень.

Мир изменился до неузнаваемости. Русло реки исчезло. Его как будто выровняло ураганом с остальным рельефом. Сваи от домов, наоборот, обнажило, и они выглядели как странные памятники существовавшему на их месте поселку. Пейзаж потерял яркость. Ни одного

зеленого пятнышка растительности, ни намека на серо-голубую водную гладь. Трава и деревья, пережившие кратковременный холод, выгорели или высохли, сравнившись цветом с землей. Часть ельника, росшего на той и этой стороне Пура, сейчас топорщилась голыми стволами с редкими ветками. Смерч обошел его стороной, но пекло сделало свое дело. Деревья высохли, а сильный ветер обломал ветки. Мир стал мертвым, безжизненным, истинно апокалиптическим. Даже небо больше не было голубым. В его палитре преобладал желто-коричневый, ржавый оттенок.

– Вот и люди вымерли, как динозавры, – тихо произнес Иван.

Со спины прилетел раскат грома. Он обернулся. Северный горизонт озаряли частые вспышки молний. Атмосферные фронты боролись за свое право владеть землями. Холодный воздух, продавленный пеклом на север, пытался отбить потерянные территории и двигался в сторону склада. Иван, успевший вспотеть за несколько минут на «свежем» воздухе, решил, что жителям бывшего Тихого это сражение только на пользу. Станет еще прохладнее, и погода вернется к приемлемому балансу.

Глава 7

Роберт Яковлевич Мартенс до катастрофы работал заместителем министра в министерстве промышленности и торговли. Несмотря на довольно молодой возраст для этого кресла, он успел доказать, что не даром ест казенный хлеб. О надвигающемся землетрясении Роберт узнал заранее. Получил автоматический звонок, и робот бесчувственным голосом предупредил его о высокой вероятности сильнейшего землетрясения, сообщил, что чиновник и его семья выбраны для эвакуации в убежище, назвал место и время сбора, а также посоветовал находиться подальше от высотных зданий, линий электропередачи и газовых коммуникаций.

Тревожный звонок застал Роберта на работе. Он поинтересовался у коллег пониже рангом, не получали ли они подобные звонки. Никто не получал. Именно это обстоятельство и заставило его серьезно отнестись к предупреждению. Он ничем не рисковал: запись звонка хранилась в телефоне, и, если это являлось розыгрышем, он мог предъявить ее. Взял машину с шофером, съездил домой за женой и забрал детей из школы – сына Даниэля и дочь Эмилию. Экзотические имена они с Марией дали детям, будучи уверенными, что те будут жить в Европе, на исторической родине Роберта. И хотя его предки жили в России уже лет двести, в его жизни случился период, когда он вдруг начал считать себя истым немцем, несправедливо оторванным от корней.

Успешно стартовавшая карьера благоразумно похоронила эти планы, отбила налипшую к телу немецкость и в целом направила мысли в нужном направлении. Роберт был исполнительным, умным, дисциплинированным работником, тонко чувствовал состояние начальника и умел создать у того хорошее настроение, когда происходили серьезные неприятности. А все знакомые, переехавшие в Европу, которым он раньше завидовал, в один голос жаловались, что их жизнь становится похожа на бег белки в колесе. Ни карьеры, ни успехов, каждый день похож на вчерашний, а в будущем никакого просвета.

Идея фикс умерла, но на память о себе оставила имена детей. Ходили они в элитную школу, а там многим детям имена были даны родителями с целью выделиться. В итоге ярмарка тщеславия разбилась о многообразие экзотических, а иногда и просто дурацких имен.

Роберт забрал детей, жену и выехал за город, в министерский дом отдыха на берегу реки. Там уже находилось несколько семей первых замов и просто важных людей. Все были удивлены обзвону и коллективно решили, что это учебная тревога. Но новости по телевизору в тот день звучали пугающие. Многочисленные поднятия и, наоборот, провалы земной коры происходили по всей планете. А потом пришло сообщение о том, что началось. Заработали генераторы, спутниковая связь. Семьи пригласили в капсулы, о существовании которых никто не подозревал. Это были небольшие укрепленные помещения яйцевидной формы, рассчитанные на одну семью. Внутри находился монитор, передающий картинку с нескольких наружных камер. Люди сидели в специальных амортизирующих креслах, пристегнутые ремнями безопасности.

На монитор выводился обратный отсчет, предупреждающий о надвигающейся сейсмической волне. Прошло не больше четверти часа, как их убежище подняло вверх, трясая так, что казалось, сейчас «яйцо» расколется. Потом оно пошло вниз и жестко остановилось. Жена Мария, испугавшаяся за детей, чуть не лишилась рассудка от переполнивших ее эмоций. Из всех камер после прохождения волны работала только одна. И то, что она показывала, вызвало шок. Камера смотрела в сторону темной бездны, из которой вверх поднимался пар.

Семью Мартенс доставали из капсулы специнструментом – железобетонный корпус дал трещину, и дверь заклинило. Когда они выбрались наружу, оказалось, что дверной проем смотрит в небо, а больше половины таких же капсул провалились в ту самую бездну, которую показывала камера. Огромный разлом земной коры, kloкочущий на дне то ли кипятком, то ли подступающей лавой, вызывал оторопь и содрогание. Он протянулся на многие километры в

стороны, а противоположный край едва угадывался через дымку теплых испарений, поднимавшихся со дна.

На сильно разрушенной базе они прожили более суток. Выяснилось, что половина людей, в числе которых были женщины и дети, погибла. А сколько погибло тех, кого не предупредили, страшно представить. Съемки Москвы с вертолета показали жуткую правду – столицы больше не существовало. Как не существовало и всех остальных городов мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.